

ДОКУМЕНТЫ ПО ЗАЩИТЕ ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ А. М. АСТАХОВОЙ

Публикация и комментарии Т. Г. Ивановой

Анна Михайловна Астахова (1886—1971) пришла в науку во второй половине 1920-х гг., причем будучи уже весьма зрелым человеком: свою первую научную статью, пока еще не фольклористическую, она опубликовала в 1926 г. в возрасте 40 лет.¹ В 1921 г., имея уже большой педагогический опыт,² А. М. Астахова стала слушателем словесного отделения Высших курсов искусствознания при Российском (Государственном) институте истории искусств (РИИИ/ГИИИ). Еще будучи слушательницей курсов, в 1922 г. она была зачислена вне штата научным сотрудником второй категории в ГИИИ. С 1923 по 1929 г. А. М. Астахова — научный сотрудник первой категории (вне штата); тогда же она начала читать в ГИИИ лекции по введению в русскую литературу XVIII—XIX вв. и по стиховедению.

Никаких фольклористических интересов в начале 1920-х гг. у А. М. Астаховой не было. Однако летом 1926 г. ГИИИ орга-

---

¹ *Астахова А. М.* Из истории и ритмики хора // Поэтика : Временник Отдела словесных искусств. Л., 1926. Вып. 1. С. 54—65.

² Из документов «Дела о защите докторской диссертации Астаховой Анны Михайловны» (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — СПФ АРАН), ф. 150, оп. 4, № 1, л. 23—24) следует, что в 1908—1909 гг. А. М. Астахова преподавала русский язык, литературу и историю в частной женской гимназии Иогансон в г. Валке Лифляндской губ.; в 1909—1911 гг. — во 2-й женской гимназии в Тифлисе; в 1912—1920 гг. — в гимназии Мельниковой в Петербурге (после 1917 г. — единая трудовая школа). Одновременно с 1912 по 1931 г. она была учителем в гимназии Таганцевой (единой трудовой школе). В 1920—1922 гг. будущая фольклористка преподавала также в советской школе ликбеза Московского района; в 1929—1931 гг. — в общеобразовательной школе для взрослых «Красный путиловец»; 1930—1934 гг. — в автодорожном техникуме.

низовал первую комплексную экспедицию в Заонежье, целью которой было изучение деревенской архитектуры, предметов народного быта, ткачества, вышивки, а также народных обрядов, музыкального и прозаического фольклора. А. М. Астахова присоединилась к экспедиции, во главе которой стоял специалист по народному зодчеству К. К. Романов, а в состав фольклористической группы входили И. В. Карнаухова, Н. П. Колпакова, А. И. Никифоров, Е. В. Гиппиус, З. В. Эвальд, а также составившие отдельный отряд В. Н. Всеволодский-Гернгросс, С. С. Писарев и Р. Р. Суслович. А. М. Астахова взяла на себя в поездке запись былин и заговоров.

В 1927 г. сотрудники ГИИИ ездили на Пинегу, в 1928 г. — на Мезень, в 1929 г. — на Печору. Севернорусские экспедиции, позволившие А. М. Астаховой накопить большой багаж наблюдений над песенно-эпической традицией, определили ее дальнейший научный путь. В зимнее время участники экспедиций обрабатывали собранный материал и делали доклады, на основе которых выросли ее первые фольклористические труды. В статье «Былина в Заонежье»,³ сравнивая заонежские материалы 1926 г. с записями в том же регионе, сделанными П. Н. Рыбниковым и А. Ф. Гильфердингом в 1860—1870-е гг., исследовательница описывает механизмы разрушения былинной традиции (полное забвение былин в семейной традиции, сокращение и обеднение эпических текстов, исчезновение героических сюжетов при сохранении новеллистических, искажение формульного языка и метрики и пр.). Вторая статья А. М. Астаховой была посвящена заговорам.⁴

В 1930-е гг., в силу исторических обстоятельств, в работах А. М. Астаховой серьезные подлинно научные изыскания начинают причудливо переплетаться с откровенно идеологически обусловленными заключениями. Кратко очертим научный путь исследовательницы в 1930-е гг.

В 1930—1931 гг., при реорганизации ГИИИ, А. М. Астахова короткое время числится младшим научным сотрудником при Ленинградском отделении Государственной академии искусствознания (бывший ГИИИ), а затем вместе с другими фольклористами (во главе с М. К. Азадовским) она была переведена в Институт по изучению народов СССР (ИПИИ, апрель 1931—февраль 1933 г.), где в должности младшего научного сотрудника выполняла обязанности секретаря Фольклорной секции. В 1932 г.

---

³ Астахова А. М. Былина в Заонежье // Искусство Севера : Заонежье. Л., 1927. С. 77—103 (Крестьянское искусство СССР; Вып. 1).

⁴ Астахова А. М. Заговорное искусство на реке Пинеге // Искусство Севера : Пинежско-Мезенская экспедиция. Л., 1928. С. 33—76 (Крестьянское искусство СССР; Вып. 2).

А. М. Астахова подготовила к изданию по полевым материалам, собранным на улицах и барахолках Ленинграда, сборник «Ленинградские уличные певцы и песни» (рукопись хранится: Рукописный отдел Института русской литературы (далее — РО ИРЛИ), ф. 724 (А. М. Астахова), оп. 1, ед. хр. 14, 15), объективно отображавший репертуар ленинградской улицы конца 1920-х—начала 1930-х гг. Во вступительной статье и комментариях исследовательница дает характеристику социальной среды (деклассированное городское население) и рисует колоритные портреты уличных певцов. Сборник этот, не содержащий произведений, воспевавших новую власть (а следовательно, не отвечавший советской идеологии), к печати принят не был.

Одновременно в начале 1930-х гг. А. М. Астахова участвовала в коллективном проекте ИПИНа по собиранию фольклора рабочих. В этой работе наряду с научными целями ставились и «правильные» идеологические задачи: «...установление путей борьбы с классово-враждебными тенденциями и стимулирование развития идеологически ценных элементов путем активного воздействия на массовый музыкально-поэтический быт рабочих».⁵ Летом 1932 г. вместе с И. В. Карнауховой и С. С. Писаревым фольклористка совершила экспедицию по планам Карельского научно-исследовательского института (КНИИ) (Петрозаводск) на Белое море. Помимо собирания традиционных жанров русского фольклора А. М. Астахова ставила идеологически обусловленную задачу записи фольклора Гражданской войны.

В феврале 1933 г. ИПИН слился с Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамерой), в результате чего Фольклорная секция стала структурой Института антропологии и этнографии АН СССР (ИАиЭ). Соответственно в 1933—1938 гг. А. М. Астахова — старший научный сотрудник Фольклорной комиссии при институте. С 1 марта 1939 г. Фольклорная комиссия (бывшая Фольклорная секция) из ИАиЭ была переведена в Институт литературы АН СССР;⁶ здесь ее преобразовали в Отдел фольклора народов СССР.

В рамках ИАиЭ исследовательница совершает ряд экспедиций: в Забайкалье (июль—август 1934 г.);⁷ в Рязанский край по

⁵ Астахова А. М., Эвальд З. В. Работа бригады ИПИН по собиранию и изучению фольклора рабочей среды // Советская этнография. 1932. № 2. С. 142; см. также: Астахова А. М., Ширяева П. Г. Старая рабочая песня // Советская этнография. 1934. № 1/2. С. 201—203.

⁶ Именно так назывался Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в данный период.

⁷ См. отчет и статью, написанную по собранным материалам: Астахова А. М. Фольклорная экспедиция в Тарбагатайский район Бурят-Монгольской АССР // Советская этнография. 1935. № 1. С. 122—123; Детский фольклор в работах 1930-х годов : (Неизвестные статьи А. М.

программе Московского областного исполкома и Московского комитета партии большевиков (декабрь 1934—январь 1935 г.); на Зимний берег Белого моря, где записывала эпические песни у М. С. Крюковой (1937); в Вологодскую область (1937).⁸ В период работы в ИПИН и ИАиЭ исследовательница создала фольклорный архив, который в настоящее время находится в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.⁹

В 1930-е гг. А. М. Астахова становится одним из ведущих былиноведов страны. В 1935 г., при учреждении в СССР кандидатских и докторских степеней, ей без защиты была присуждена кандидатская степень.

В 1935 г. в малой серии «Библиотека поэта» вместе с Н. П. Андреевым исследовательница издала антологический сборник «Эпическая поэзия» (Л., 1935), во вступительной статье которого декларировала приверженность «исторической школе», включая и признание теории «аристократического» происхождения былин (былины произошли в княжеско-боярской, торгово-буржуазной и церковно-паломнической среде и только на позднем этапе стали достоянием крестьянства). Соответственно в 1936—1937 гг., когда развернулась кампания по разгрому «исторической школы», эта работа А. М. Астаховой подверглась идеологической критике.¹⁰

В 1930-е гг. советской фольклористике, а вместе с ней и А. М. Астаховой, пришлось отказаться от фундаментальной проблемы историзма былин и искать новые аспекты в изучении этого жанра. В конечном счете исследовательница нащупала в былиноведении проблемы, максимально устраивавшие новую идеологию. В статье «Былинная традиция на современном Севере»,¹¹ построенной на материалах экспедиций 1920-х—начала 1930-х гг., на большом статистическом материале, пред-

---

Астаховой и Г. С. Виноградова) / Публ. И. М. Колесницкой, Т. Г. Ивановой // Из истории русской фольклористики. СПб., 1998. [Вып. 4/5]. С. 241—258.

⁸ Материалы последней экспедиции нашли место в сборнике: Народные песни Вологодской области : Сборник фонографических записей / Записи текстов А. М. Астаховой, Н. П. Колпаковой; Муз. записи В. В. Великанова, Ф. А. Рубцова; Под ред. Е. В. Гиппиуса, З. В. Эвальд. Л., 1938.

⁹ См.: Астахова А. М. Рукописное хранилище при фольклорной секции ИАЭ АН СССР // Советский фольклор : Сборник статей и материалов. М.; Л., 1936. Вып. 2/3. С. 435—440.

¹⁰ Керженцев П. М. Исторические темы в искусстве и Камерный театр // Против фальсификации народного прошлого. М.; Л., 1937. С. 30; Семенов Я. Народная поэзия в антинародном освещении // Книга и пролетарская революция. 1937. № 1. С. 100.

¹¹ Астахова А. М. Былинная традиция на современном Севере // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности А. С. Орлова. Л., 1934. С. 401—412.

ставленном в нескольких таблицах, исследовательница дает сведения о репертуаре различных регионов, обозначает сужение репертуара по сравнению с дореволюционными записями, показывает тенденции преобладания новеллистических сюжетов над героическими в записях последнего времени. В 1938 г. вышел в свет первый том подготовленных ею «Былин Севера», очень скоро ставших классикой отечественной фольклористики.¹² Во вступительной статье А. М. Астахова углубляет характеристику каждого из севернорусских регионов (Прионежье, Поморье, Пинега, Мезень, Печора, Зимний берег Белого моря). В статье по-новому по сравнению с дореволюционной «исторической школой» поставлена проблема варианта: «Вариант становится интересным и значительным не только как одно из звеньев, необходимых для уяснения основ сюжета, но и как проявление живой творческой энергии народных масс».¹³ Вместо тезиса о «последовательном искажении» былин, по мере того как они из дружинной среды попадали в крестьянскую (позиция «исторической школы»), А. М. Астахова выдвигает положение об «исконной народности эпоса».¹⁴ Исследовательница разрабатывает типологию былинных певцов, занявшую важное место в науке второй половины 1930—1970-х гг. Применяв сравнительный метод (сравнение текстов сказителей «учителей» и «учеников», разных «учеников» одного «учителя», повторных записей от одного и того же исполнителя), А. М. Астахова описывает три типа сказителей: сказители-передатчики (запоминают былины своих «учителей» максимально близко к тексту); сказители-творцы (воспринимают от «учителей» только «общий остов» былины и создают новые редакции сюжетов, вырабатывая собственный стабильный текст); сказители-импровизаторы (смело вставляют в былины новые эпизоды, каждый раз создавая новую версию сюжета).

Одновременно с названными серьезными исследованиями, оставшимися и в наше время в кругу значимых трудов отечественной фольклористики, А. М. Астахова в предвоенное время, по-видимому, абсолютно искренне занималась произведениями советского фольклора, которые сочинялись сказителями под руководством собирателей. В 1941 г. она участвовала в Москве в совещании, посвященном советскому эпосу. Исследовательница выступила с докладом, где попыталась теоретически осмыслить

---

¹² Былины Севера / Записи, вступ. статья и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1938. Т. 1: Мезень и Печора.

¹³ Астахова А. М. Былинное творчество северных крестьян // Там же. С. 9.

¹⁴ Астахова А. М. Былинное творчество северных крестьян // Там же. С. 15.

жанровую природу нового советского эпоса, выделив следующие жанры: 1) советские сказки (прозаический жанр, опирающийся на поэтику традиционной волшебной сказки); 2) советские былины (песенно-поэтические фабульные произведения о каком-либо одном событии, имитирующие поэтику традиционных былин); 3) поэмы (произведения, аналогичные советским былинам, но с более сложной фабулой, в которой развивается многособытийное действие); 4) плачи по поводу смерти вождей и героев Советского Союза (песенно-поэтические произведения, близкие к традиционным похоронным плачам); 5) сказы (песенно-поэтические бесфабульные произведения описательного характера, не изображающие события, а рассказывающие о разных явлениях настоящей и прошлой жизни путем их перечисления); 6) сказы-думы (произведения, аналогичные сказам, но с более развитым лирическим началом, выражающие раздумья сказителей над виденным, слышанным, вспоминаемым).¹⁵

Таким образом, к началу 1940-х гг. в научном багаже А. М. Астаховой было две одинаково важные для нее (и взаимосвязанные) темы — былины и советский эпос. Постоянное пребывание в рамках официальных научных учреждений (ГИИИ, ИПИН, ИАиЭ, Пушкинский Дом), без сомнения, имело свои положительные стороны (дало ей возможность получить богатый экспедиционный опыт), однако совершенно очевидно, что это пребывание заставило ее вольно или невольно подчиниться идеологическому диктату.

Перед Великой Отечественной войной А. М. Астахова начала писать докторскую диссертацию, тема которой в 1940 г. в архивных документах Отдела фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН первоначально значится как «История былин на Севере». Война и блокада на какое-то время прервала работу. Пережившая страшную блокадную зиму 1941/42 г. в Ленинграде, А. М. Астахова 12 июля 1942 г. вместе с Пушкинским Домом была эвакуирована в Казань.

Можно предположить, что уже в дороге она стала планировать прерванную работу над диссертацией. По ее поводу А. М. Астахова, как можно понять, советовалась с М. К. Азадовским. Еще с дороги, не зная, куда направят Пушкинский Дом — в Казань или Елабугу, — она писала М. К. Азадовскому в Иркутск, где тот находился в эвакуации (с 18 мая 1942 г.). А. М. Астахова, можно предположить, рассказывала о диссертационных планах, явно

---

¹⁵ Доклад фольклориста А. М. Астаховой «Пути развития русского советского эпоса» на совещании, посвященном советской былине, во Всесоюзном доме народного творчества // Фольклор России в документах советского периода 1933—1941 гг. : Сборник документов. М., 1994. С. 202—222.

изменившихся в связи с отъездом из Ленинграда с его богатыми библиотеками. В ответ глава ленинградских фольклористов 27 сентября 1942 г. с одобрением замечал: «Я очень рад, что мой план вполне совпадает с Вашим (говорю о диссертации). Это будет очень хорошо: и споро, и скоро. И книг очень много не надо — во всяком случае, Казани Вам хватит. Вот только обидно, если Вы упустите иностранную литературу. Ведь был ряд работ на немецком языке о проблеме эпического повествования, о народном рассказывании (Erzählerkunst — пожалуй, лучше перевести „народное сказительство“?). Едва ли что есть в Казани? Но, в крайнем случае, можно пережить и отсутствие этих работ. Поройтесь в Казанской университетской биб<лиоте>ке среди иностранных диссертаций, обычно посылаемых в порядке обмена в разные старые унив<ерситет>ы; м<ожет> б<ыть>, на что-нибудь и наткнетесь».¹⁶

17 ноября 1943 г. И. И. Толстой, также попавший во время эвакуации в Казань, сообщал В. Я. Проппу, находившемуся в Саратове, куда был эвакуирован Ленинградский университет, о докторской диссертации А. М. Астаховой: «Фольклорная секция Института литературы в Казани совсем немногочисленна:¹⁷ А. М. Астахова и вернувшаяся теперь в Казань и проживающая теперь здесь вместе со своими маленькими детьми Поля Ширяева.¹⁸ Анна Михайловна вплотную работает над своей докторской диссертацией по поэтике русских былин. На очередных заседаниях Института, которые проходят часто, уже прочла ряд глав из своей диссертации, очень солидных и интересных. Слабое место, по которому, чувствуется, ее буду бить, это — ее чрезмерное, может быть, увлечение сюжетами новых, современных былин и сказок и поэтикой и самой личностью новых, современных сказителей. Но материалом она владеет огромным и в совершенстве знает старую литературу».¹⁹

В мае 1944 г., после того как блокада Ленинграда была снята, А. М. Астахова вернулась в родной город. К этому времени диссертация, по-видимому, была полностью готова (см. рукопись: РО ИРЛИ, ф. 724, оп. 1, ед. хр. 46—54; подготовительные материалы: ед. хр. 55—57). Защита докторской диссертации

¹⁶ Письма военного времени М. К. Азадовского / Публ. Т. Г. Ивановой // Живая старина. 2005. № 2. С. 45.

¹⁷ О судьбах пушкинских фольклористов во время Великой Отечественной войны см.: *Иванова Т. Г.* Фольклористы Пушкинского Дома в годы Великой Отечественной войны // Традиционная культура. 2005. № 2. С. 15—24.

¹⁸ Ширяева Пелагея Григорьевна (1903—1986) — фольклорист, сотрудник Пушкинского Дома.

¹⁹ *Мартынова А. Н.* Владимир Яковлевич Пропп: Жизненный путь. Научная деятельность. СПб., 2006. С. 149—150.

А. М. Астаховой «Северный период в истории русской былины» состоялась в Пушкинском Доме 14 декабря 1944 г. На защите присутствовали члены Ученого совета: директор Пушкинского Дома, чл.-кор. АН П. И. Лебедев-Полянский, акад. А. С. Орлов, зам. директора Л. А. Плоткин, чл.-кор. В. П. Адрианова-Перетц, чл.-кор. С. Д. Балухатый, д-ра филол. наук В. А. Десницкий, В. Е. Евгеньев-Максимов, Б. М. Эйхенбаум, М. П. Алексеев, В. С. Спиридонов, Г. А. Бялый, ученый секретарь Института М. О. Срипиль.

Официальными оппонентами были В. П. Адрианова-Перетц, П. Г. Богатырев и В. Я. Пропп. Голосование в пользу диссертанта оказалось единогласным. Согласно протоколу заседания, Ученый совет постановил:

«Признать диссертацию А. М. Астаховой „Северный период в истории русской былины“ на соискание ученой степени доктора филологических наук ценным и оригинальным вкладом в русскую фольклористику. Исследование А. М. Астаховой свидетельствует о большой практической работе диссертанта, произведенной на месте бытования русского эпоса, и о глубоком теоретическом изучении печатных работ и рукописных фондов. Этот труд дает широкую картину жизни эпоса на севере в прошлом и настоящем и разрабатывает новые методы его исследования.

Работу признать оформленной в соответствии с требованиями, предъявляемыми к диссертации на ученую степень доктора филологических наук, и достойной напечатания, а защиту вполне удовлетворительной.

Произведенным закрытым голосованием при участии 12 членов Ученого совета Ученый совет Института литературы АН СССР единогласно присудил А. М. Астаховой степень доктора филологических наук».²⁰

Высшая аттестационная комиссия утвердила защиту 12 мая 1945 г.²¹ Впоследствии исследование вышло в свет в виде монографии «Русский былинный эпос на севере».²²

Ниже мы публикуем четыре документа, связанных с защитой: 1) «Содержание диссертации А. М. Астаховой „Северный период в истории русской былины“» — некий аналог современных авторефератов (СПФ АРАН, ф. 150, оп. 4, ед. хр. 1, л. 42—45 — машинопись; РО ИРЛИ, ф. 724 (А. М. Астахова), оп. 1, ед. хр. 58, л. 15—26 — черновой автограф, по которому печатается

²⁰ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 4, № 1, л. 20—21.

²¹ РО ИРЛИ, ф. 150 (Институт русской литературы), оп. 2, ед. хр. 121, л. 20 об.

²² *Астахова А. М.* Русский былинный эпос на севере. Петрозаводск, 1948. В РО ИРЛИ находится корректура книги: ф. 724, оп. 1, ед. хр. 68.

документ); 2) Отзыв о диссертации В. П. Адриановой-Перетц (СПФ АРАН, ф. 150, оп. 4, № 1, л. 49—56 об. — машинопись); 3) Отзыв о диссертации В. Я. Проппа (РО ИРЛИ, ф. 724, оп. 1, ед. хр. 401 — неавторизованный машинописный вариант; рукопись датирована 14 декабря 1944 г.);²³ 4) Ответ А. М. Астаховой оппонентам (СПФ АРАН, ф. 150, оп. 4, ед. хр. 1, л. 5—15 об. — машинописная стенограмма; РО ИРЛИ, ф. 724, оп. 1, ед. хр. 59 — черновой автограф, по которому печатается документ).

I

А. М. АСТАХОВА

Содержание диссертации А. М. Астаховой «Северный период в истории русской былины»

Задача работы — восполнить один из существеннейших пробелов в науке о русском былевом эпосе, именно — показать основные творческие процессы, характеризующие жизнь эпоса в его позднейший период, среди северного крестьянства. Вопрос этот почти не освещался, так как внимание исследователей было направлено по преимуществу на разрешение генетических проблем; позднейший же этап в жизни былины трактовался в основном только как период механического хранения и «последовательного искажения» эпической традиции.

Работа заключает в себе три части. Первая, вводная, состоит из трех глав. В первой («Задачи исследования») кратко сообщается об основной направленности всей предшествующей литературы о русском эпосе и об утвердившейся в ней концепции в отношении позднейшего этапа в жизни былины. Этой концепции, по которой позднейший этап мыслится лишь как период угасания и распада, противопоставляется тезис о непрекращающейся творческой жизни эпоса.

Вторая глава — «Происхождение северной эпической традиции» — посвящена критическому обзору существующих в науке положений о том, где, в какой среде возник и складывался русский былевой эпос, когда и какими путями он проник на Север, и каковы были причины, обусловившие его сохранность и живое бытование на Севере. В главе особенно подчеркивается, что былинный эпос, создававшийся как профессиональными певцами из дружинной среды, так и непрофессиональными мастерами из широких народных масс, был при самом зарождении своем глу-

---

²³ К сожалению, в известных нам архивных материалах отсутствует отзыв П. Г. Богатырева.

боко народным. Занесенный на Север в процессе колонизации и, частично, скоморохами, он был для северного крестьянского населения идейно близким искусством, что и определило при содействии целого комплекса специфических условий новой обстановки его дальнейшую творческую жизнь.

Последняя глава вводной части — «Очаги эпической традиции на севере» — подытоживает все наблюдения автора над распределением былин по районам и над изменениями в областных репертуарах и в бытовании былин на протяжении всего периода с начала собирательских работ. В главе устанавливаются и анализируются два основных этапа в истории собирания былины на Севере: 1) период крупных открытий, собирания основного инвентаря сюжетов и установления главных былинных гнезд (2-я половина XIX в. и начало XX в.) и 2) эпоха повторного собирания на местах прежних работ и уточнения карты распространения былин на Севере (советский период). Далее дается сравнительная характеристика областных репертуаров и картина бытования былин в разных районах. Приложенные таблицы наглядно показывают сюжетный состав эпоса по районам и происшедшие в нем изменения в течение первой четверти XX в.

Центральная часть работы посвящена былинному творчеству северных крестьян. Она состоит из 6 глав. В них рассматриваются следующие творческие процессы: 1) работа сказителей над образом (глава IV «Развитие и вариирование образа»); 2) творчество в области композиции (глава V «Перестройка композиции»); 3) явления новотворчества (глава VI «Образование новых былин»); 4) процесс обратного возвращения в устную традицию былинных текстов из книги (глава VII «Былинное сказительство и книга»); 5) образование традиций областных (глава IX «Областные эпические традиции»).

²⁴ В процессе разработки образа автором устанавливается, во-первых, линия дальнейшего углубления и расширения содержания образа в направлении, уже намеченном в предыдущем периоде; во-вторых, линия коренных изменений в результате переосмысления образа. Первая сторона процесса показана главным образом на материале героического образа Ильи Муромца, в котором северными сказителями особо подчеркиваются, выделяются и разрабатываются его крестьянские черты, а также его высокие нравственные свойства, особенно как защитника родины и русского народа. Для характеристики процесса автором привлекается также материал разработки образов Добрыни Никитича, Алеши Поповича, Василия Игнатьева, сатирических образов князя Владимира и бояр и др.

²⁴ О гл. VIII «Творческие категории северных сказителей» А. М. Астахова говорит далее особо.

го переосмысления образа показан на судьбе былин о Василии Буслаеве. В качестве основных моментов в развитии образа в позднейший период автором выделены и показаны психологизация образа, внедрение реально-бытовых элементов, модернизация и переоформление образа под воздействием местной обстановки.

В композиционном творчестве северных сказителей автор главным образом выделяет процесс контаминирования, в котором, по его мнению, особенно проявилось, вопреки существовавшим представлениям, творчески-активное отношение сказителей к эпосу. Автор прослеживает все многообразные случаи творческих контаминаций — и объединенных фигурой главного героя, и контаминаций былин с разными героями, — выясняет внутренние мотивировки этих контаминаций, их художественные и идейные функции; исследует различные композиционные приемы при контаминациях и художественный результат применения тех или иных приемов. Кроме контаминаций рассматриваются позднейшие явления в области циклизации, тоже ведущие к переоформлению композиции, а также изменения развязок в результате переосмысления сюжета.

В главе об образовании новых былин показаны пути новаторства: сложение новых былин на основе традиционного эпического материала; обработка в былины сказочных сюжетов и мотивов; переработка песен и песенных мотивов; возникновение былин на местном материале; использование ранних исторических материалов (летописных сказаний, исторических анекдотов и др.); переработка литературных произведений. Автор подробно останавливается на каждом из отмеченных процессов, стремясь вскрыть внутренние закономерности. В данной главе, как и в предыдущих, все время отмечается и подчеркивается творческий характер наблюдаемых явлений.

В главе VII исследуется явление, до сих пор игнорировавшееся в литературе, — процесс возвращения в устную традицию когда-то записанных и опубликованных текстов. Автор показывает значение этого процесса, выражающееся в обогащении местных эпических традиций новыми сюжетами, мотивами и поэтическими приемами. Автор обрисовывает два случая процесса: 1) усвоение подлинно народных текстов и 2) усвоение текстов, искусственно обработанных. В последнем случае на материале текстов заонежского сказителя Туруева, репертуар которого восходит к «Книге былин» Авенариуса,²⁵ показана ярко выраженная тенденция к освобождению от элементов, чужеродных для на-

---

²⁵ Имеется в виду: Книга былин : Свод избранных образцов русской народной эпической поэзии (Новое издание «Книги о киевских богатырях», дополненной былинами новгородскими, московскими, казацкими,

родного творчества. На анализе былин известной беломорской сказительницы Аграфены Крюковой²⁶ автор показывает, что учет и изучение фактов воздействия книги на былинное сказительство в корне меняет наши представления о специфике былинных репертуаров отдельных исполнителей и целых районов.

В главе об областных традициях рассматриваются специфические особенности районных обработок сюжета. С этой стороны выделены как противостоящие друг другу традиция прионежская и северо-восточные традиции. Среди последних обособляются мезенская, кулойская, зимне-золотицкая, пинежская, печорская и поморская. В северо-восточных обработках автор показывает явления более позднего времени по сравнению с прионежской традицией, сохраняющей более ранние редакции.

Кроме указанных глав, раскрывающих наиболее значимые творческие процессы в позднем сказительстве, в центральную часть работы включена еще глава, рассматривающая основные творческие категории сказителей. Автор устанавливает три таких категории: 1) сказителей-передатчиков, 2) создателей новых редакций («реконструкторов») и 3) импровизаторов — и выясняет различную роль их в отношении самой эпической традиции.

Третья, заключительная, часть работы посвящена судьбам эпоса после Октября. В нее входят две главы: «Старинный эпос в советскую эпоху» (глава X) и «Пути создания и развития нового эпоса». В первой отмечается ослабление эпического творчества в 1920-е и в начале 1930-х гг. и некоторое повышение интереса к богатырскому эпосу с середины 1930-х гг., в эпоху общего подъема и расцвета народного творчества. В качестве основной причины этого возрождения интереса к эпосу автор указывает созвучность образов героического прошлого новой эпохе. Вместе с тем отмечается постоянное взаимодействие этого обращения к феодальному эпосу с процессом формирования эпоса советского. В главе прослеживаются наиболее характерные черты эпической традиции в современности: смена непосредственно наивной веры в реальность былинного вымысла сознательно-эстетическим восприятием; более свободное отношение к эпическому наследию; усиление циклизации и тенденции к образованию эпопей; заметное заострение социальных моментов; еще большее выделение мотивов героических; усиление роли книги; сильное воздействие смежных жанров.

петровскими и безымянными) / Сост. В. П. Авенариус. СПб., 1880. Книга была переиздана в наше время: М., 2006.

²⁶ См.: Беломорские былины, записанные А. В. Марковым / Этногр. отд. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1901.

В последней главе, исследуя процесс становления советского эпоса, автор подчеркивает закономерность этого процесса. Он отмечает огромную роль эпоса старинного; вскрывает основной пафос нового творчества; дает опыт классификации новых эпических произведений в зависимости от их тематики и различного использования фольклорного наследия; показывает новое качество, которое характеризует советский эпос даже при всей видимой близости к старинному жанру; отмечает сближение процесса создания нового эпоса с литературным творчеством. В заключение указывает и на большой научно-теоретический интерес современного этапа эпического творчества, и на значение советского эпоса как мощного фактора идейного воздействия.

II

[В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ]

ОТЗЫВ

Об исследовании ст. научного сотрудника ИЛИ АН СССР, кандидата филологических наук А. М. Астаховой «Северный период в истории русской былины», представленном на соискание ученой степени доктора филологических наук

А. М. Астахова — один из крупнейших в настоящее время знатоков и исследователей русского былевого эпоса. Около 20 лет тому назад она начала собирать и изучение былин в их живом бытовании в северных областях нашей родины. СобираТЕЛЬСКАЯ работа А. М. Астаховой, с первых ее шагов, отмечена образцовой тщательностью, вдумчивым вниманием ко всей обстановке, в которой бытует записанный материал, к исполнителям и слушателям. Облик прекрасно владеющего своим материалом, серьезного и вдумчивого специалиста в области изучения русского былевого эпоса хорошо и давно знаком читателям солидных этюдов по истории былин, образцовых изданий текстов, рецензий, напечатанных А. М. Астаховой в фольклорных журналах, сборниках и отдельных изданиях с 1927 г. Передавая свой опыт собирателя, издателя и исследователя молодым фольклористам, А. М. Астахова активно участвует в подготовке научных кадров по своей специальности. Фольклорный отдел Института литературы АН СССР и Карело-Финский научно-исследовательский институт — те центры, в которых успешно протекает не только научно-исследовательская, но и научно-педагогическая работа А. М. Астаховой.

Вся эта работа уже сама по себе дает право А. М. Астаховой на положение руководителя целого направления в изучении поэ-

тического творчества русского народа, т. е. право на ученую степень доктора филологических наук. Представленная диссертация «Северный период в истории русской былины» подтверждает это право.

Задача исследования А. М. Астаховой — представить жизнь былевого эпоса на Севере, т. е. в тот период, когда «основной процесс формирования эпоса был закончен» (стр. 2). В общей картине жизни эпоса на Севере т<оварищ> Астахова использовала весь наличный материал — от записей XVIII в. до современных; в историографическом очерке, выполненном тщательно, критически оценены построения, искажающие историческую перспективу, и учтены все положительные итоги изучения былевого эпоса. В самом исследовании А. М. Астаховой особенно ценны те части, которые основаны на собственных ее наблюдениях. Характеристика творческих типов сказителей и анализ специфических особенностей былин в разных районах Севера войдут как неоспоримый итог в изучение русских былин. Большую и несомненную заслугу А. М. Астаховой составляет то, что она впервые так широко поставила вопрос о творческом отношении сказителей нового времени к былине. Взамен взгляда на изменения былины, как на более или менее случайные разрозненные факты, А. М. выдвигает свою точку зрения на них как на проявления закономерного процесса. Справедливо оценивает она опыты создания новых былин на старые эпические сюжеты как «конечный этап в сюжетосложении внутри самого эпоса», как «процесс простых перепевов» (стр. 315), которые «лишены художественной убедительности», свойственной «эпосу, выросшему на исторической почве» (316).²⁷ Ценны и интересны наблюдения автора над тем, какие мотивы определяют выбор сказочного материала для переделки в былину (319 и сл.).

Можно не соглашаться с трактовкой в диссертации отдельных групп фактов, но следует признать, что самые факты собраны и классифицированы А. М. Астаховой вдумчиво, свежо и тщательно. И даже тот исследователь, который иногда пойдет своим²⁸ путем в истолковании приведенных фактов, сможет вполне уверенно опереться на них, не проделывая вторично сложной и трудоемкой работы по изучению северных вариантов былин и по установлению их особенностей.

Остановлюсь детальнее на главах, где новый материал дал возможность поставить и частично решить новые проблемы в истории эпоса или пересмотреть выводы предшествующих исследователей.

---

²⁷ В. П. Адрианова-Перетц непоследовательно обозначает страницы: с сокращением «стр.» и без него.

²⁸ Здесь и далее подчеркнуто В. П. Адриановой-Перетц.

Обилие творческих вариантов — признак фольклорной трактовки художественных произведений, характерный, конечно, не только для нового времени. Это подтверждается всеми исследователями, в частности, и западноевропейских поэтов-исполнителей: жонглеров, шпильманов. Весь вопрос в том, держатся ли еще эти варианты в рамках устоявшейся традиции, отвечающей запросам закрепившего ее коллектива, или эти запросы уже ломают традицию. Интерес собранного А. М. Астаховой материала и заключается в том, что значительная часть обнаруженных ею былинных вариантов говорит о ломке традиции, о новых запросах к эпосу, о новом отношении и к сюжету, и к способам изображения героя, и к отдельным художественным приемам вообще. Возникает проблема: сохраняется ли в итоге всех этих изменений эпическая форма, которую мы вправе называть по-прежнему былинной, или это уже какой-то новый вид эпоса. В сущности, к этой проблеме ведут все частные вопросы, поднятые автором в диссертации.

Прежде всего мне думается, что А. М. Астахова преувеличивает итоги изучения былины, когда пишет (стр. 1): «...общая картина сложения русского эпоса в основном ясна». Действительно, мы знаем иногда довольно обстоятельно, как складывались отдельные былевые сюжеты. Но что такое былина как некое органическое единство содержания и формы, как художественное целое, каковы существенные признаки разных видов былин, называемых исследователями героическая, балладная, новеллистическая, — этот вопрос в фольклористике не решен, да, пожалуй, по-настоящему и не поставлен во всем объеме. Не говоря уже о далеком прошлом, исследователи эпоса не установили даже отличий былины в записях XVII, XVIII вв. и того «классического» периода, который представлен записями Рыбникова и Гильфердинга. Незаработанность этого основного вопроса чрезвычайно затрудняет задачу А. М. Астаховой и мешает ей ответить определенно — тождественна (так! — *Т. И.*) ли современная былина, как поэтический жанр, своему прототипу хотя бы середины XIX в., или в итоге творческих изменений текста создан уже новый качественно вид эпоса, который лишь условно может быть назван «былиной». Ряд тезисов А. М. Астаховой приобретет полную убедительность лишь после того, как старая былина будет изучена во всем ее художественное своеобразие.

Характеризуя жизнь былины в позднейший период ее бытования — конец XIX и XX вв. — как творческий процесс и оспаривая мнение Вс. Миллера об изменениях текста былин как об искажениях, А. М. Астахова впадает в другую крайность и дает несколько одностороннюю картину жизни былины на Севере, совершенно оставляя в стороне действительные искажения и сюже-

та, и формы во многих позднейших записях. Нет в диссертации и раздела, посвященного переходу былины в сказку (хотя обратное — переделка сказки в былину — обстоятельно охарактеризована).²⁹ А между тем и в искажениях может быть часто прослежена известная закономерность: легче искажалось то, что было особенно чуждым и непонятным.

Какая-то двойственность и недоговоренность есть в выводах А. М. Астаховой, когда она разбирает вопрос: почему в одних районах Севера былина, выражаясь словами автора, «архаика» (стр. 11), а в других в ней «бьется живой пульс», почему местами мы наблюдаем «угасание и распад» (стр. 15), а местами встречается «творческая жизнь» былины. Неясность осталась и в решении более общего вопроса: почему именно на Севере былина задержалась дольше, чем в других областях, почему историческая песня, хорошо знакомая Северу, не вытеснила здесь старую былину; что помешало вне Севера «культивировать этот сложный и трудный для восприятия и исполнения поэтический жанр» (стр. 41). А. М. Астахова возражает против мнения, что «особый консерватизм в быту» Севера был одной из важных причин, задержавших здесь былину (39), но ниже (40) сама говорит, что с XVIII в. Север «оказался в стороне от главной арены исторической жизни», что «новые культурные веяния доносились сюда слабо». Если добавить сильное на Севере влияние несомненно консервативного старообрядчества, то вряд ли придется спорить с утверждением, что консерватизм быта, а главное, сознания, здесь был налицо.

Объясняя живой интерес к былине на Севере, А. М. Астахова слишком большое значение придает внешнему фактору: ряд ремесел и промыслов создавали, по ее мнению, особо благоприятную обстановку для сохранения былины, они давали «жаждущую художественного слова и интересного повествования „аудиторию“» (42). Но, во-первых, все перечисленные занятия известны и в других районах, во-вторых, важно не только то, что была аудитория, а то, что же этой аудитории оказалось интересным. Отсюда необходимость разобраться не только во внешней обстановке, а и глубже заглянуть в сознание исполнителей былин и их слушателей. Быт ведь отражается на этом сознании всей совокупностью условий, а не только профессией. А. М. Астахова касается вопроса о влиянии книги на сказителей и слушателей: «Чтение, расширяя кругозор, прививает новые вкусы и интересы» (44). Но ведь вопрос в том, что³⁰ читается. На Севере, например, много грамотеев-старообрядцев, но вряд ли круг их чтения — положи-

---

²⁹ А. М. Астахова позднее этой проблеме посвятила монографию «Народные сказки о богатырях русского эпоса» (М.: Л., 1962).

³⁰ Здесь и далее выделено курсивом В. П. Адриановой-Перетц.

тельный фактор в смысле развития «вкусов и интересов». Да и из светского чтения на Севере еще в начале XIX в. можно было встретить сборники конца XVIII в., типа Старичка-Весельчака.³¹ Что же нового, устраняющего интерес к былине, принесло такое чтение? Итак, следует как-то пристальнее изучить культурное состояние населения в разных районах Севера, чтобы найти опору в решении вопроса о причинах того или иного отношения к былине.

Нельзя не признать, что ограничение материала только северными районами при решении этого вопроса чрезвычайно затрудняет исследователя. Каковы условия, например, в Сибири, на Урале, где еще недавно делались записи былин? Сопоставление разных районов, может быть, навело бы на верный путь в решении общего вопроса.

Не вполне ясно в изложении А. М. Астаховой, в чем заключается отношение в иных северных районах к былине, как к «архаике». Ведь на стр. 44 совершенно правильно высказана мысль о существовании «сознательно-эстетического подхода к былине как к высокому искусству — источнику больших художественных эмоций»; этот «подход», по мнению А. М. Астаховой, сменяет «былую веру в реальность былинных фантастических образов». Как будто это и обозначает отношение к былине, как «архаике», но — эстетически ценной? Автор указывает, что такому новому отношению к былине не мешает «усвоение грамотности, близость школы и других культурных учреждений» (44). И вот снова возникает вопрос: почему же в одних районах новая культура не помешала существованию былин, а в других вытеснила ее совершенно. Неясно и другое: в чем выражается «сознательно-эстетический подход» к былине. Влечет ли он за собой стремление сберечь былинку в ее неприкосновенности, как наследие старины, или заставляет «творчески» менять ее, и как именно.

В главе III «Очаги эпической традиции на Севере» мы снова оказываемся перед вопросом: почему «художественная сила» былевого «искусства и его народность» (59) в одних районах Севера «обусловили возможность новых переживаний художественных образов», а в других привели к забвению его. «Консерватизм сознания и бытового уклада» (59) А. М. Астахова отвергает как причину живучести былин. Но вместо этого объяснения выдвигает неопределенные ссылки на «разные причины малой распространенности эпоса с давних пор» (59), говорит об «особых причинах» преобладания той или иной разновидности былин,

---

³¹ Имеется в виду книга «Старичок-весельчак, рассказывающий давние московские были» (СПб., 1790), имевшая около 20 переизданий вплоть до 1875 г.

о «местных исторических условиях». Очевидно, эти-то «причины» и «условия» и надо детальнее изучить, или уж отказаться совершенно от прямого ответа на поставленный вопрос о странной двойственности в отношении к «высокому искусству» былин, которое, между прочим, по признанию А. М. Астаховой, даже «в районах наилучшей сохранности былинной традиции» «все более и более замыкается в кругу немногих любителей» и уже не знает к 1920—30-м годам «массовой аудитории».

Глава IV «Развитие и вариирование (так! — Т. И.) образа» вызывает ряд вопросов.

1) Поскольку не установлена твердо для каждого данного образа его персональная форма, не во всех случаях можно так категорически утверждать, что та или иная черта возникла именно на Севере и только для него и характерна. Например, можно ли действительно, при данном состоянии материала, доказать, что Илья Муромец стал крестьянином только в северных пересказах? Почему именно здесь появились «гуманные наставления» родителей Илье (123)? Характеризуя «доработку» образа Ильи Муромца северными сказителями, автор настолько сгущает краски, что создается впечатление, будто многое из положительных черт его явилось только на Севере. Но каким же был тогда этот герой в былине, принесенной на Север?

2) Такая же переоценка получается в разделе, характеризующем усиление «социальных тенденций». Создается представление, будто былина только на Севере приобрела социальную остроту. Вряд ли это правильно. Например, почему изображение бояр изменниками — поздний мотив? Он характерен для XVI и начала XVII в. и, может быть, мы имеем в нем дело с сохранением исторических припоминаний. Но средняя Русь знала бояр в роли изменников ничуть не хуже, чем Север (147). В истолковании образа Василия Буслаева неправильно расценивать как демократическую массу тех «мужиков новгородских», с которыми воюет Василий. Это обычное название для зажиточной части посада, и потому в былине эти «мужики» пируют у князя вместе с боярами.

3) Самый процесс вариирования образов в былине также не всегда квалифицируется А. М. Астаховой правильно. «Углублением и расширением» автор называет иногда словесное распространение обычного мотива или введение новой детали, иллюстрирующей данную черту характера или поведения героя. Между тем *образ* от этого не меняется. Например, в былине об Илье Муромце и создателям, и многим поколениям слушателей было совершенно ясно, что он освободил «прямоезжую» дорогу от разбойников не для собственного удовольствия, а для общего блага, потому и былина на этот сюжет так была популярна. И вряд ли образ Ильи углубился оттого, что сказитель расширил

здесь текст былины, заставив Илью Муромца объяснять и без того понятный поступок:

Но очистил я ту дорожку правую,
Чтобы не был народ в погибели,
Во погибели и во несчастии,
Чтобы все было по-хорошему,
По-хорошему да по-счастливому.

(130)

Или в другом варианте:

Поезжайте, православные, без опаси,
В пути торные эти дороженьки,
Нет больше воров-разбойников,
Не станут они губить буйны головы.

(131)

Переходя от суждения к оценке, А. М. Астахова называет итог такого распространения былины «высшим этапом» (143). Это *новый* этап, и задача исследователя — объяснить, какие исторические причины привели к нему. Но вряд ли замена выразительной краткости и вытекающей отсюда поэтической силы былины длиннотами поздних сказителей есть «высший этап». Но эти длинноты *нужны*, чтобы растолковать новому слушателю дела и людей такого далекого от него прошлого. И в этом их закономерность. Поэтому большая заслуга А. М. Астаховой, что она обратила внимание на подобные варианты в былинах. Их надо только иначе оценить и разъяснить.

4) К таким длиннотам, совершенно чуждым старой былины, относится и то, что А. М. Астахова называет «психологизацией» (163). Совершенно немислим в старой, выразительной в своей сжатости, героической былине богатырь, который, угощаясь в палате неизвестного ему богатыря, «сам сидит да улыбается», раздумывая:

Доброй-от хозяин у меня с хозяйшкой,
Они очень у меня есть да приемные,
Они приемны очень приятные,
Поблагодарить только их нет же здесь.

(168)

Это — результат восприятия героя иным сознанием и передача этого восприятия иными художественными средствами. Это *принципиальное* отличие новых вариантов от старой былины, отличие, создающее уже какой-то новый вид эпоса.

5) Чрезвычайно большой интерес именно с точки зрения образования этого нового качества имеет отмеченное А. М. Астаховой

«внедрение реально-бытовых черт» в старый сюжет (172). Это явление недостаточно глубоко оценено автором, когда А. М. пишет: «...когда этот процесс охватывает всю систему образов, тогда вся былина в целом меняет свой общий колорит» (172).

Дело, конечно, здесь не только в «общем колорите», а в том, что благодаря такой перестройке создается новая эпическая форма, и об этом следует сказать со всей решительностью. Чувство стиля старой былины у сказителей, прибегающих к широкому «внедрению реально-бытовых черт», потеряно, этот былой стиль уже не отвечает их художественному сознанию, и вот на старой сюжетной канве создается повествование, выраженное иными художественными средствами. Приведенный А. М. Астаховой пример как раз и показывает перестройку старой героической былины в плане баллады.

б) Глубже следовало бы остановиться и на роли «местных элементов» (175) в жизни былины. Вместе с реально-бытовыми чертами местные элементы, входя в былинку, ломают ее, а затем, накопившись в достаточном количестве, создают новый эпический жанр. Все ценные наблюдения А. М. Астаховой над изменениями внутри старой былины следует осветить именно как вехи на пути к созданию нового эпоса. В главе VI «Перестройка композиции»³² А. М. нащупывает такой подход, но пока — применительно к одному частному случаю (251). С точки зрения создания нового эпического жанра следует здесь остановиться и на искажениях старой былины, попытаться и в них найти какие-то определенные линии.

В главе VI «Образование новых былин» осталось нерешенным, что же получается в итоге переделки сказки в былинку: действительно былина на сказочный сюжет или, выражаясь словами А. М., песня «с былинной окраской», но и «многими стилистическими линиями сказочного жанра» (370). Свидетельствуют ли эти переделки о живучести былины или о повышенном интересе к сказке, которая лишь принимает легче запоминающуюся ритмическую форму былины. Если бы параллельно изучался процесс превращения былины в сказку, возможно, и причины создания сказочных новых былин стали бы яснее. Но здесь недостаточно одного внешнего сопоставления, необходимо осознать весь комплекс художественных приемов переработки.

Вообще в этой главе, богатой по материалу, следовало бы поставить вопрос: сохраняется ли в новых былинах та органическая связь былинной формы с сюжетом, которая характерна для старой былины. Или — любое содержание может быть оформлено внешне по-былинному, т. е. эта старая эпическая

---

³² Ошибка В. П. Адриановой-Перетц: «Перестройка композиции» не VI, а V глава.

форма механически переносится на новое содержание. Вопрос этот имеет свою историю. Ведь уже Григорьев³³ в предисловии к своим записям былин отмечает, что он встречал певцов, которые «настолько хорошо владеют эпическим стихом, что готовы переложить в стихи переводную сказку об Еруслане» (стр. 19). Но эту героическую сказку еще не так трудно сблизить с сюжетами героических былин. А вот была сказительница, которая, «владея размером, могла бы пропеть о чем угодно». И собирателям конца XIX и начала XX в. приходилось сталкиваться с такими случаями, когда сказительница, исчерпав репертуар, пробовала былинным напевом петь любую песню (если за напетую былинку платили). Не случайно ведь И. Жданов³⁴ в свое время назвал былинку «Нерасказанный сон» сказкой в песенной передаче, он усмотрел в этой переделке «былевую окраску», но не былинку как вполне определенный жанр. Думаю, что в главе «Образование новых былин» и надо было строже отнестись к этим новым былинам и точнее установить, какие внутренние признаки композиции роднят их со старой былиной, сохраняется ли в них та же функция отдельных художественных приемов. В частности, былины М. Крюковой с их нагромождением образов, при внешнем сходстве фразеологии со старой былиной, ушли бесконечно далеко от своего первоисточника. Существо поэтического языка былины изменилось до неузнаваемости, она уже совсем по-своему относится к былинной метафоре, символу, эпитету. Безудержное нагромождение их — признак деградации старой формы.

Подробно (излишне) анализируя переделки М. Крюковой литературных произведений в былевую форму, А. М. Астахова признает, что такие переделки «лишь условно можем назвать былинами» (432). Вот этот тезис следовало бы шире развить и обосновать применительно ко многому, что трактуется в этой главе о новых былинах. Конечно, главная трудность здесь в том, что единица измерения — старая былина — не определена как эпический жанр во всей полноте ее постоянных признаков. Но если нельзя вопрос разрешить, то следовало бы хоть поставить его, наметив тем самым путь для дальнейшего исследования этих новообразований.

Последняя глава диссертации «Пути создания и развития нового эпоса» ставит интересный вопрос о том, каким путем пойдет создание новых эпических форм. В этот момент работы снова чувствуется связанность автора территориальным ограничением материала. А. М. Астахова защищает правомочность старой былины формировать новые эпические сюжеты. Трудно спорить

---

³³ Имеется в виду: Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. М., 1904. Т. 1; Прага, 1939. Т. 2; СПб., 1910. Т. 3.

³⁴ Имеется в виду: *Жданов И. Н.* Русский былевой эпос. СПб., 1895.

против того, что для сказителей, привыкших к художественному методу былины, естественно и новое содержание облекать в эти привычные формы. Но ведь и за пределами районов бытования старой былины возможно создание нового эпоса. Очевидно, что здесь старая былина уже не станет на пути автора. Вопрос нуждается в более широкой постановке.

В целом исследование А. М. Астаховой представляет богатую по материалу, добросовестную по тщательности выполнения и интересную по ряду выводов и отдельных наблюдений работу. Ряд положительных выводов ее неоспорим. Но ценность исследования и в том, что оно показывает пути, по которым должна дальше пойти разработка данной и смежных проблем: таких путей в основном два — изучение русского былевого эпоса в разные периоды его бытования, во всем разнообразии его форм с целью определить признаки былины как художественного жанра на каждом этапе ее истории (хотя бы в пределах записанного материала); исследование новых эпических форм не только со стороны их традиционных элементов, но и во всем охвате их художественного метода.

Исследование «Северный период в истории русской былины» дает А. М. Астаховой несомненное право на ученую степень доктора филологических наук.

Член-кор. АН СССР (В. П. Адрианова-Перетц)
<...>1944 г.

III

В. Я. ПРОПП

**Отзыв о диссертации А. М. Астаховой
«Северный период в истории русской былины»,
представленной на соискание ученой степени
доктора филологических наук**

Диссертация А. М. Астаховой представляет собой значительное явление в современной русской фольклористике. В противовес текстуальному, филологическому изучению здесь выдвигается принцип изучения эпоса вместе с его носителями и исполнителями. Предметом изучения является не столько сам эпос (т. е. не генезис или история сюжетов, всемирные соответствия, не поэтика³⁵ и пр.), сколько те живые люди, которые его осуществляют и которые вносят в эпос свое личное творчество.

---

³⁵ Обратим внимание на то, что, в отличие от И. И. Толстого, В. Я. Пропп не считал, что в диссертации А. М. Астаховой решаются вопросы поэтики былин.

Несомненно, что такая постановка задачи сама по себе возможна и правильна, и что в числе других сторон эпоса и эта сторона его жизни должна быть подвергнута систематическому, обобщающему изучению. Частных материалов накопилось очень много, а обобщающего исследования нет. Предпринимая такую работу, автор заполняет насущный пробел в нашей фольклористической науке.

Для осуществления такой задачи автор подготовлен наилучшим образом. А. М. Астахова неоднократно побывала в тех местах, о которых пишет, и знает жизнь былины на севере по личным наблюдениям. Автор в курсе всех основных экспедиционных материалов, как опубликованных, так и хранящихся в архивах. Можно без преувеличения сказать, что автор — лучший в СССР знаток былины и ее исполнителей.

Изучение северных районов распространения былин («гнезд») привело автора к крупному открытию, состоящему в том, что эпос севера в этом отношении неоднороден. Недифференцированный «север» предстал в совершенно четкой картине довольно резко отличающихся районов. Это — Прионежье, Поморье, Пинега, Мезень, Печора. По каждому району даются сводные таблицы, характеризующие не только состав репертуара, но и изменения его. Для каждого сюжета приводится количество записей, прежних и новых, и отсюда делаются выводы относительно движения репертуара. И хотя статистический метод в отдельных случаях, когда количество записей незначительно, и может вызывать некоторое сомнение, в целом картина получается весьма четкая, ясная и совершенно убедительная. В особой главе исследуются не только количественные, но и качественные изменения репертуара. Причину этих репертуарных изменений автор справедливо видит в истории колонизации, в социальном составе разных поселений и в «специфике социально-экономических процессов на местах» (С. 89). Остается только пожалеть, что причины эти только намечены, но что вопрос не разработан. По ходу своих исторических рассуждений автор обнаруживает взгляды, с которыми рецензент согласиться не может. Так, теория, что эпос занесен на север скоморохами, должна быть, на мой взгляд, совершенно оставлена как несовместимая с современными взглядами на жизнь эпоса.

Книга не представляет собой одного целого от начала до конца, где одни тезисы вытекают бы из других. Она сложилась из ряда очерков, частично ранее уже опубликованных и разнородных по своему составу и методу. Хотя автору и удалось спаять их в нечто целое, но все же остались неслаженности и противоречия, которые имеют не редакционное, а принципиальное значение. Так, материал изложенной главы показывает несомненное сужение репертуара, т. е. явление некоторой деградации. Следующая

же глава посвящена творческой переработке образов северного эпоса и развертывает картину несомненного творчества. Оба явления показаны правильно и убедительно, но не поставлены между собою в связь. Самая проблема противоречивости процессов, совершающихся в эпосе, не поставлена, хотя она и вытекает из материалов исследования и сама давалась в руки.

Задача автора — дать широкую картину жизни эпоса на севере. При таком широком охвате очень часто страдает глубина проработки. Так, в 4-й главе имеем ряд прекрасно выполненных характеристик, как-то характеристик Ильи Муромца как защитника родины, Василия Буслаевича и т. д. Эти характеристики предприняты с целью показать вклад северного крестьянского творчества в данные образы. Все другие стороны, однако, остаются вне внимания и освещение получается иногда одностороннее. В образе Вас<илия> Буслаева не раскрыты ни его трагичность, ни сложность его взаимоотношений к Новгороду и т. д. Точно так же в связи с вопросом о крестьянской природе Ильи сам собой напрашивается вопрос о социальной природе Ильи вообще и о многообразии и противоречивости этой стороны Ильи, и об исторических причинах этого (казацкая природа его не затронута). Правда, автор рассматривает крестьянскую природу Ильи потому, что та, по ее мнению, — позднее явление, создание северных сказителей. Тем не менее даже такой частный вопрос выиграл бы в глубине постановки и разрешения, если бы он был показан хотя бы на фоне всей сложности явлений.

То же следует сказать об изучении композиции. Вопрос о композиции былины мог бы составить (как и другие вопросы этой диссертации) самостоятельную диссертацию. Все наблюдения автора верны, не вызывают спора, некоторые весьма ценны и новы. Но так как в основном они отнесены только к творчеству исполнителей и ничему другому, то опять не находят своего полного разрешения. Проблема композиции былин чрезвычайно сложна. Композиция имеет свои специфические фольклорные закономерности, которые хотя и не выяснены в науке полностью, но которые нельзя обойти. Так нельзя не посетовать на автора, что им совершенно оставлен в стороне вопрос о законе хронологической несовместимости. Без приложения этого закона к былине, и в частности к вопросу о контаминациях, вопросы композиции не могут быть разрешены. И в данном случае все главы о композиции выиграла бы, если бы учитывались и общие закономерности. Так, анализируя контаминации, автор устанавливает ценнейшее, на мой взгляд, наблюдение непереносимости действий с одного лица на другое. Все случаи нарушения этого приведены полностью. Автор не видит здесь закономерности, противоположной закономерности сказочной, где действие переносится совершенно свободно и ограничивается установлением факта как такового.

Зато большой силы достигает работа в главе, посвященной новым былинам. Здесь с величайшей тщательностью дается смотр всем поздним былинам, как-то: былинам, возникшим в развитие какого-либо эпизода классического репертуара, основанным на других жанрах, на сказке, на песне и т. д. К каждой такой былине дается критический смотр литературы (если она есть), приводятся все особенности ее бытования, исполнения и пр., скорее — дается научный комментарий к былинам, находящимся в пренебрежении у старой науки. Для былин сказочного происхождения даются ссылки на указатели. Даются анализы художественных приемов в тех или иных текстах, характера эволюции и т. д. В этой части работы сказался издательский опыт автора, и для будущего научного издания былин эти страницы послужат основой. Особо рассматриваются былины книжного происхождения у М. С. Крюковой, начиная от самых ранних и кончая современными. Огромная начитанность автора позволяет ему установить источник почти всех былин книжного происхождения. В некоторых случаях дается развернутый сравнительный анализ былины и ее источника. Детально сравнивается, например, «Старина про князя Меньшикова» и роман А. Н. Толстого «Петр I», послуживший источником для нее. Далее рассматриваются былины, восходящие к печатным сборникам былин, т. е. прослеживается обратный процесс перехода из книги в фольклор. Здесь опять сделан ряд очень метких и тонких наблюдений и, главное, для многих былин указаны их источники, благодаря чему эти былины часто представляются в совершенно новом свете.

Последний раздел (часть III) посвящен современности. Огромный материал по эпосу, накопившийся за советское время, давно уже настоятельно требовал теоретического изучения. Уже в предыдущих главах автор неоднократно касается современности, здесь наблюдения как бы суммируются и продолжаются. Ни одно из положений автора не вызывает возражений (усиление цивилизации, отношение к эпосу как к идейно-художественной, а не реально-бытовой правде, создание новых жанров и т. д.). Особого внимания заслуживают страницы, посвященные отображению в эпосе современного строительства новой жизни, образов Ленина и Сталина и идейной насыщенности современного эпоса.

* * *

Метод автора в основном есть метод описательных характеристик. Для этого привлекается весь существующий материал, вследствие чего и работа имеет огромный объем. Основные тенденции автора — показать живучесть народного творчества вопреки утверждению о его вырождении, угасании и т. д. Картина

получается, действительно, очень убедительная. Автор показал наличие этого творчества во всех его видах, а попутно сделал ряд крупных и мелких открытий, которые войдут в науку с именем их автора.

В этом, конечно, большая заслуга автора. Заслуга эта могла бы быть еще больше, если бы разбираемые им явления рассматривались в рамках собственно фольклористических явлений и проблем. Так, например, отказ от изучения поэтики в собственном смысле слова (слово «эпитет» во всей диссертации встречается 1 раз на стр. <...>³⁶ сужает возможности и круг наблюдений автора. В пределах же тех рамок, которые автор ставит себе сам, и материал, и возможные выводы исчерпаны полностью.

Все изложенное свидетельствует о праве автора на искомую им степень.

Проф. Пропп,
доктор филологических наук.

14.XII.<19>44.

IV

А. М. АСТАХОВА

[Ответ оппонентам]

Прежде всего я хочу принести мою глубокую благодарность своим оппонентам, с таким вниманием отнесшимся к моей работе и сделавшим так много тонких, содержательных замечаний. *Некоторые из них вскрывают известные несовершенства в моей работе, неясности, недоговоренности, указывая иногда на необходимость включения, для большей четкости, не затронутых мною явлений; другие, параллельно моим соображениям, а иногда и в противовес им, выдвигают иные возможные решения; третьи, наконец, отмечают те проблемы, которые вытекают из показанного мною материала, но мною еще не разрешаются.*³⁷ Далеко не со всеми сделанными мне возражениями я могу согласиться; но во всяком случае все из них заставят меня еще раз просмотреть соответствующие места, еще раз проверить собственные установки, выводы, самые методы работы. Некоторые из них очень помогут мне в дальнейших моих изысканиях по эпосу.

---

³⁶ Пропуск в тексте.

³⁷ Здесь и далее курсивом выделены фрагменты, перечеркнутые автором.

Я не могу не выразить и свое чувство большого удовлетворения, что основная направленность моей работы, ее содержание и задачи вызвали у оппонентов сочувствие, а общие конечные результаты — признание. Особенно приятно мне указание, что моя работа будет полезна и нужна и тем исследователям, которые пойдут иным, своим³⁸ путем, поскольку мои наблюдения представляют для них надежную опору, и что мое исследование помимо того, что дает ряд неоспоримых положительных выводов, показывает пути дальнейшего изучения данной и смежных проблем. Очень ценно для меня признание, что моя работа может быть полезной и в деле изучения эпосов др<угих> народов.

Однако возражения и замечания, сделанные мне, чрезвычайно существенные *и в значительной своей части принципиальные*; и я чувствую потребность остановиться на них и постараться отразить те из них, с которыми я не согласна.

Одно из самых значительных замечаний общего порядка сделано В<арварой> П<авловной>. Оно заключается в упреке **в некоторой односторонности показа жизни эпоса на Севере**: характеризуя жизнь былины в позднейший период как творческий процесс, я впадаю в другую крайность и даю несколько одностороннюю картину, оставляя в стороне действительные искажения, явления деградации и т. п.

Действительно, подобные явления я выключаю из моей работы. Об этом я говорила и во вступительном слове. Это крепко связано с самим замыслом книги. Северный период я и задумала показать под углом зрения только творческой жизни былин. *Такое сосредоточение мне казалось необходимым не только потому, что в до-октябрьской науке процессы творческого порядка почти исключались из поля зрения, но и потому еще, что в самой советской фольклористике имеется в этом плане всего несколько отдельных работ по частным вопросам (Липец,³⁹ Соймонова-Париловой⁴⁰ и превосходная еще не опубликованная работа Чичерова).⁴¹ И мне казалось, что уже настало время попытаться поставить вопрос в общем плане на большом материале.* Явления деградации и отмирания неизбежно сопутствуют фольклорному процессу и также подлежат изуче-

---

³⁸ Здесь и далее полужирным шрифтом выделены фрагменты, подчеркнутые автором.

³⁹ Былины М. С. Крюковой / Зап. и комм. Э. Бородина и Р. Липец; Вводная статья Р. Липец, М., 1939—1941. Т. 1—2 (Летописи Гос. лит. музея; Кн. 6).

⁴⁰ Былины Пудожского края / Подгот. текстов, статья и примеч. Г. Н. Париловой, А. Д. Соймонова; Предисл. и ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1941.

⁴¹ Исследование В. И. Чичерова в настоящее время опубликовано: Чичеров В. И. Школы сказителей Заонежья. М., 1982.

нию. Совершенно права В<арвара> П<авловна>, когда говорит о том, что и в них может быть прослежена известная закономерность. Но включение их в работу помешало бы концентрации внимания на том, что входило в основную задачу. Не северный период вообще, не жизнь эпоса на Севере во всем ее многообразии я стремилась показать, а лишь творческие процессы в ней. Думаю, что такое ограничение вполне законно. Вот почему я, В<арвара> П<авловна>, не рассматриваю и процесса перехода былины в сказку, хотя это и чрезвычайно интересный процесс. В нем, правда, сказалась живучесть былинных образов, но основной смысл его в силе сказки, втягивающей смежный материал. Процесс касается творческой истории сказки по преимуществу.⁴² Но все же невольно после Вашего замечания задаю себе вопрос: не искривляет ли такое ограничение действительно наших представлений о северном периоде. Не может ли показаться, что я его рисую как период исключительно творческого цветения? Думаю, что нет, поскольку <...>⁴³ В некоторых местах работы я делаю и соответствующие оговорки. Так, в главе V я говорю на стр. 191—192.⁴⁴ Имеются подобные оговорки еще и в др<угих> местах. Однако сделанный мне упрек показывает, что такие данные попутно оговорки все же недостаточные и надо было дать соответствующее разъяснение в первой главе вводной части, где я говорю о задаче исследования.

Второе крупное замечание общего порядка сделано мне и В<арварой> П<авловной>, и В<ладимиром> Я<ковлевичем>. Это **упрек в некоторой двойственности или противоречивости, а также в недоговоренностях**. Так, при констатации несомненного ослабления эпич<еского> творчества я все время подчеркиваю творческое развитие эпоса. В. Я. Пропп объясняет, между прочим, такую двойственность тем, что **книга якобы сложилась из ряда очерков, разнородных по составу и методу**

---

⁴² Сказки на былинные сюжеты стали предметом исследования А. М. Астаховой в ее монографии «Народные сказки о богатырях русского эпоса».

⁴³ Предложение не закончено.

⁴⁴ Здесь должна была следовать цитата из диссертации, касающаяся процессов деградации эпоса: «Как и в области вариирования эпических образов, так и в отношении изменений, касающихся композиции, следует строго отграничивать моменты творческого порядка от тех изменений, которые вызваны забыванием или плохим усвоением сюжета мало одаренными сказителями. В таких случаях мы будем, конечно, иметь дело с фактами разложения эпического творчества. Здесь будут все признаки деградации — и чисто механическое сцепление осколков разных сюжетов, и внутренне не оправданное перенесение в основной сюжет эпизодов из других былин и т. п.» (РО ИРЛИ, ф. 724, оп. 1, ед. хр. 5, л. 191—192 — машинописный вариант диссертации).

и лишь потом спаянных в одно целое. Это не так. Книга возникла и сложилась из единого замысла и в самом начале работы над ней как единое целое. Правда, в ней использованы некоторые очерки, ранее написанные и уже опубликованные. Из 11 глав книги лишь две главы (третья и восьмая) представляют такие ранее написанные очерки,⁴⁵ но и они вошли в книгу, и конечно, в измененном виде, именно потому что они оказались совершенно необходимы для целого. Все же остальные главы написаны специально в плане всего исследования. *Тезисы же не всегда вытекают один из другого, потому что в книге прослеживается не единое явление, не один процесс, а несколько. Только при исследовании единого процесса, непрерывно проходящего через всю работу, бывает такая же внутренняя непрерывность и в тезисах.* Впрочем, вопрос о том, как именно возникла книга, не важен. Важно то, действительно ли есть в ней противоречия и внутренняя неслаженность.

Прежде всего упрек касается того, **что я, отмечая общее ослабление эпической традиции в ряде мест Севера, говорю об интенсивности творческих процессов.** При этом В<ладимир> Я<ковлевич> замечает, что оба процесса показаны правильно и убедительно, но не поставлены в связь и не поставлена проблема противоречивости этих процессов. В<ладимир> Я<ковлевич>, я принимаю Ваш упрек. Конечно, надо было остановиться на этом явлении, поскольку его действительно можно принять за противоречие. Однако это характерное явление фольклорного процесса, наблюдаемое в жизни не только эпоса. Общее ослабление традиции в жизни того или иного жанра, в смысле сужения круга мастеров, его культивирующих, сужение вслед за этим и репертуара, вызванное особыми причинами, вовсе еще не означают умирание данного жанра. Это мы видим сплошь да рядом и в отношении сказки, и в отношении песни. Несчастье в том, что собиратели, наблюдая и подсчитывая факты такого убывания в известных районах, тотчас же заключали об умирании жанра вообще, не вникая в его внутреннюю жизнь. И мне, конечно, поскольку мой материал выявлял подобные факты, следовало бы их разъяснить, поставить в связь.

В<арвара> П<авловна> со свойственной ей требовательностью к предельной четкости и ясности указывает **целый ряд подобных неясностей и недоговоренностей.** В<арвара> П<авловна>, я глубоко признательна за все Ваши указания, ко-

---

⁴⁵ По-видимому, имеются в виду следующие статьи: *Астахова А. М.* 1) Былинное творчество северных крестьян // *Былины Севера / Записи, вступ. статья и коммент. А. М. Астаховой.* М.; Л., 1938. Т. 1: Мезень и Печора. С. 7—110; 2) Былинная традиция на современном Севере // *Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова.* Л., 1934. С. 401—412.

торые побуждают меня еще раз и с особым вниманием продумать отмеченные Вами места. Но на некоторые замечания мне хочется ответить и дать объяснения, которые, по-моему, должны снять известную долю упреков.

Так, Вы отмечаете, что я, констатируя разное состояние живучести былинной традиции в разных местах Севера, *вплоть до того, что в отношении одних нельзя уже говорить о настоящем бытовании, в то время как в других эпос вполне живое творчество, не даю объяснений этому явлению*. Не даю я и объяснений тому, **почему на юге у казаков, в Поволжье, на Урале и в целом в ряде др<угих> мест России, где найдены следы былин, позднейший этап был в основном периодом угасания и распада, а на Севере он был периодом творческой жизни**.

В отношении последнего я должна сказать, что в мою задачу и не входило параллельное выяснение истории бытования былин во всех районах, где только были обнаружены когда-либо былины. Если я упоминаю о них на стр. 15-й,⁴⁶ то только для того, чтобы выделить бытование былин на Севере как особый этап в развитии былинного творчества. Добросовестное же изучение всей обстановки бытования былин у казаков, на юге, на Урале, в некоторых местах Сибири, в Поволжье, в средней России увело бы меня слишком далеко от поставленной мне цели и чрезмерно расширило бы вводную часть моего исследования. Я считала и считаю это ненужным. *Дать же краткие соображения, при полной неизученности вопроса, было невозможно. Вот в плане моих последующих работ намечено изучение южной, донской былины, там и подобное исследование будет необходимо*.

Другой вопрос в том, что я, по словам В<арвары> П<авловны>, **недостаточно и необъяснительно объясняю причины задержки былевой поэзии на Севере, а также различных ее состояний** в разных северных очагах былин. О последнем также говорит и В<ладимир> Я<ковлевич>, отмечающий, что я, спра-

---

⁴⁶ См. о южнорусских былинах в диссертации: «В некоторых районах — на Дону, в Оренбургском крае и на Северном Кавказе (у казаков) былина испытала, кроме того, коренное переоформление: она лишилась своей эпичности, превратилась в отдельные фрагменты древних сюжетов и ассимилировалась, как по словесной своей форме, так и по характеру исполнения, с поздней исторической песнью. Это говорит о том, что в этих районах позднейший этап в истории былины был в основном периодом угасания и распада, в то же время на Севере он был периодом вполне еще творческой жизни» (РО ИРЛИ, ф. 724, оп. 1, ед. хр. 51, л. 15—16). В настоящее время И. И. Земцовским выдвинута теория «жанровых дублей», объясняющая (без тезиса об «угасании и распаде» былин на юге) одновременное наличие в русской традиции сказительской и хоровой версий песенного эпоса. См.: *Земцовский И. И. Жанрово-исполнительские «дубли» русского эпоса // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 327—335.*

ведливо усматривая причины этих отличий в истории колонизации, в социальном составе ранних поселений и в специфике социально-экономических процессов на местах, не разрабатываю этого вопроса. Признаю справедливость указания на то, что в данной моей работе, в ее вводной части, эти причины должны быть раскрыты. Но я должна сказать, что пока я еще не в состоянии была это сделать, хотя и все время сознавала, что эта задача передо мной стоит. Не могла же я этого сделать из-за неразработанности необходимых мне участков в исторической науке. История колонизации северных районов разработана крайне слабо. Того, что мне нужно было, я не нашла. Следовательно, мне предстояло самой предпринять исторические исследования в этом направлении. А так как это касалось не одного района, а всего Севера в целом, во всем многообразии его районов, то это просто оказалось недостижимым. Желая выяснить социальный состав ранних поселений, я, между прочим, принялась все же за первоисточники, за изучение писцовых книг. Мною проработаны пинежские писцовые книги и писцовые книги Обонежской пятины. Но пока я не получила материала, на который я могла бы опереться. Вот поэтому я и говорю в своей работе (стр. 89).⁴⁷

---

⁴⁷ Здесь должна следовать цитата из диссертации: «Вопрос о причине репертуарных отличий — один из самых трудных в области изучения былевого эпоса, так как в значительной степени связан с историей колонизации, с социальным составом ранних поселений и со спецификой социально-экономических процессов на местах. Несомненно, что слабое развитие на Пинеге былины героической, вообще монументального былинного жанра, было обусловлено, прежде всего, особыми обстоятельствами проникновения эпической традиции на Пинегу. Эти начальные моменты зарождения традиции для нас неясны, как неясны еще и основные социально-исторические предпосылки к дальнейшему ее развитию. Наметим здесь лишь один момент, не лишенный значения в изучении условий, способствующих развитию и процветанию былевого эпоса, но, конечно, не решающий всей проблемы в целом. Население Пинеги сравнительно мало было втянуто в те промыслы, которые, по наблюдениям ряда собирателей, веками поддерживали эпическую традицию, создавая условия для ее культивирования. Мы имеем в виду здесь рыболовные и зверобойные морские артельные промыслы» (РО ИРЛИ, ф. 724, оп. 1, ед. хр. 51, л. 89). В настоящее время становится все более очевидным, что в формировании областных эпических традиций важную роль играют разные пути колонизации Русского Севера. Пинега, согласно исследованиям, была первой территорией славянской колонизации северо-восточных районов Заволочья (Кулой, Мезень, Печора), причем здесь переплелись новгородский и ростовский («низовский»), а позднее и московский колонизационные потоки. Пинега в этой части Русского Севера была метрополией (Кевролский уезд), куда из центральной Руси были занесены древнейшие изводы русского эпоса, в связи с чем соседние кулойская, мезенская и печорские эпические традиции должны рассматриваться как позднейшие. См.: *Иванова Т. Г.* История

Я считала, что добросовестнее сейчас пока признаться в невозможности осветить эти вопросы и ограничиться одними предложениями. Вот поэтому вся эта часть, где я говорю о причинах того или иного состояния традиции на Севере, носит лишь гипотетический характер.⁴⁸ *Предварительные же предположения я считала своим долгом высказать, поскольку я думала над этими вопросами, и мои соображения могли бы послужить некоторым толчком к исследованиям в этом направлении.*

Так же, в сущности говоря, **обстоит и с общим вопросом о задержке былевой поэзии на Севере.** Над ним бьются ученые несколько десятилетий, не уходя дальше Гильфердинга, впервые указавшего два основных фактора: «свободу» и «глушь». Признавая в основном справедливость первых прозрений Гильфердинга, [а] также вполне разделяя его указание на специфичность промысловой обстановки Севера, как содействующей бытованию эпоса, я пытаюсь во второй главе лишь расширить и разъяснить эти положения, а также внести существенные поправки в истолкование фактора «глушь». Я прежде всего возражаю против знака равенства, который значителен между «глушью» и «культурной отсталостью». Если Север с XVIII в. оказался в стороне от главной арены исторической жизни, если новые влияния из средней России доносились сюда слабо, то это вовсе еще не знаменует особой культурной отсталости населения, создавшего богатую художественную культуру. Отграниченность от центральных районов, *охраняя эту культуру от внешних влияний*, вовсе не приводит к омертвлению этой культуры, а лишь обуславливает ее самобытное развитие. Изучение не только эпоса, но и других видов поэтического искусства говорит об этом самобытном развитии. Вот отсюда и вытекает мой тезис, выраженный на стр. 40-й моей работы.⁴⁹ *Если консерватизм сознания и быта*

Пинежского края в связи с вопросом о местной былинной традиции // История и культура : Исследования. Статьи. Публикации. Воспоминания. СПб., 2010. Вып. 8. С. 86—103.

⁴⁸ В издаваемой в настоящее время серии «Былины» Свода русского фольклора вопросы колонизации разных регионов Русского Севера в связи с былинной традицией занимают важное место. См.: Былины Печоры. СПб.; М., 2001 (Свод русского фольклора. Былины. Т. 1—2); Былины Мезени. СПб.; М., 2003—2006 (Свод русского фольклора. Былины. Т. 3—5); Былины Кулоя. СПб.; М., 2011 (Свод русского фольклора. Былины. Т. 6); Былины Пинеги. СПб.; М., 2012 (Свод русского фольклора. Былины. Т. 7).

⁴⁹ См. в диссертации: «и вплоть до начала XVIII столетия Север жил чрезвычайно интенсивной жизнью. Он был связан с культурными, административными и торговыми центрами старой Руси, имел общение и с Западом, благодаря торговым сношениям, которые велись тогда русскими преимущественно через северные реки, впадающие в Белое море. В этот период среди свободного от крепостной зависимости населения и

понимать в плане отсутствия культурных веяний извне, то я не буду спорить против такой терминологии, но если под этим понимается именно остановка на определенной стадии, подлинная отсталость, то я буду протестовать и спорить, так как в северном крестьянстве ее было меньше, чем, скажем, в аграрных районах Средней России. Это свое соображение я высказываю лишь в качестве предположения, которое должно вопрос о факторе «глушь» повернуть как-то иначе и побудить пересмотреть традиционное положение о «консерватизме сознания», т. е. об остановке культурного развития на определенной стадии.

Это свое соображение я высказываю лишь в качестве предположения, которое, конечно, должно быть проверено глубоким изучением специфики культурного развития Севера. Пока же то, что я знаю о Севере, препятствует мне делать акцент на культурной отсталости северного крестьянства и заставляет поставить вопрос о необходимости поправок в отношении традиционных представлений об особом консерватизме северян.

В<арвара> П<авловна> отмечает также, что в этой части своей работы я **слишком большое значение придаю внешне-му фактору — особой промысловой обстановке**. Я не могу не придавать ему действительно большого значения, вслед за Гильфердингом, вслед за целым рядом других собирателей, вслед за многочисленными высказываниями в этом направлении самих сказителей, тем более что в фольклорном процессе особенное значение имеет обстановка, благоприятная или неблагоприятная бытованию того или иного жанра. Но я не придаю этому фактору ни значения исключительного, ни преобладающего. В<арвара> П<авловна> говорит, что следует «глубже заглянуть в сознание исполнителей былин и их слушателей и что самое

развилась, окрепла и богато расцвела высокая художественная культура — в замечательном деревянном зодчестве, в разных видах кустарных изделий — чудесных вышивках, резных, деревянных и костяных работах, в расписных фронтонах, в костюме, — и [во] внушительном по богатству, глубине, яркости образов и звуков музыкально-поэтическом творчестве. В нем видное место занимали и былина, один из самых высоких по идейному и художественному значению фольклорных жанров.

Но с начала XVIII в., в связи с завоеванием Прибалтийского края, Север оказывается в стороне от главной арены исторической жизни, от тех мест, где развертывались и сменялись один за другими исторические события. Новые культурные веяния доносятся сюда слабо. Это обуславливает наиболее крепкую и прочную сохранность старого художественного наследия именно на Севере.

Однако здесь правильнее говорить не столько о консервации старой культуры, сколько о дальнейшем ее самобытном росте, более, чем в центре, свободном от приходящих извне влияний» (РО ИРЛИ, ф. 724, оп. 1, ед. хр. 51, л. 40).

здесь главное, **что** аудитории кажется интересным и нужным. В целом ряде мест своей работы я все время подчеркиваю, что идейное и художественное содержание эпоса оказалось Северу особо созвучным, и это именно в первую очередь и обусловило его живую сохранность. Но нужна была и целая совокупность других условий, и вот среди них я отмечаю и значение северных промыслов. На них я задерживаюсь, б<ыть> м<ожет>, несколько долее, потому что этот фактор до сих пор не раскрывался в полной мере — и вот эта-то задержка моего внимания на нем, должно быть, и создала впечатление особого его выделения. Вообще же, конечно, нужно говорить о целом комплексе условий и только тогда и ясно будет, почему один и тот же фактор не дает одинаковых результатов в разных местах, — именно потому, что ему не сопутствует весь комплекс других факторов. *Что касается до характера влияния промысловой обстановки, то она не была только внешним фактором. В главе X, возвращаясь к причинам длительного переживания былин, я привожу (на стр. 691) слова Липец, которая, по-моему, правильно оттенила еще одну очень значительную сторону промысловой обстановки, и именно влияние ее на сознание северян, и удачно сформулировала это.*⁵⁰

Вот все основные замечания, сделанные по вопросам вводной части моей работы. И еще одно, сделанное по одному конкретному вопросу двумя моими оппонентами П<етром> Г<ригорьевичем>⁵¹ и В<ладимиром> Я<ковлевичем>, — о скоморохах.

У нас нет решительно никаких оснований отвергать роль скоморохов в истории нашего эпоса и идти против фактов. Нам

---

⁵⁰ Далее написано: «Прочеть». Имеется в виду — прочеть цитату из статьи Р. С. Липец «Местные мотивы в былине о Садко у М. С. Крюковой и других сказителей» (Былины М. С. Крюковой / Записали и коммент. Э. Бородина, Р. Липец. М., 1941. Т. 1. С. 719—767): «как правильно замечает и удачно формулирует Р. С. Липец, „по своей идейной сущности они (былины. — Т. И.) не только были созвучны быту промышленников (рыбаков и звероловов) и мореходов, но и помогли им организовывать этот быт, т. е. воспитывать в себе необходимые в условиях их промысловой жизни нравственные качества и нормы поведения“. „Мужество героев былин, — пишет она, — их презрение к опасности и физическим страданиям, чувство товарищества, отважная борьба — все это сделало былины особенно близкими и актуальными для северян, в старое время привыкших на промыслах бороться с постоянной опасностью, работать в необычайно тяжелых и трудных условиях, которые требовали спаянного и верного коллектива, а от каждого члена артели — отваги и выносливости“» (РО ИРЛИ, ф. 724, оп. 1, ед. хр. 54, л. 691—692).

⁵¹ Имеется в виду Петр Григорьевич Богатырев (1893—1971), в 1944—1948 гг. являвшийся заведующим Фольклорной комиссией Института этнографии АН СССР (Московская часть).

известно, что в репертуаре скоморохов были и эпические песни (известный рассказ, например, Олеария о скоморохах в Ладоге, исполнявших песню о царе Михаиле);⁵² в самих былинах сохранились воспоминания о скоморохах как певцах былевых песен; присутствие скоморохов на Севере, в частности в Пинежском крае, не подлежит сомнению: об этом говорит и обилие того материала, который входил в репертуар скоморохов. Замечательная былина о Вавиле-скоморохе, представляющая возвеличение скоморошьей профессии, известна только в пинежской записи; на Пинеге встречается фамилия Скомороховы, есть озеро Скоморошье, о котором мне рассказывали, что жили там люди, называемые скоморохами. Знали они много разных штук, напр<имер>, могли перескакать с одного мыса озера на другой и т. д.⁵³ Но, конечно, нельзя приписывать скоморохам той исклю-

---

⁵² Адам Олеарий (1599—1671) — секретарь голштинского посольства, побывавшего в России в 1634 г. См.: «Здесь мы услышали впервые русскую музыку, а именно в полдень 23-го с. м. (июля. — *Т. И.*), когда мы сидели за столом, явились двое русских с лютнею и скрипкою, чтобы позабавить господ [послов]. Они пели и играли про великого государя и царя Михаила Федоровича; заметив, что нам это понравилось, они дополнили увеселение танцами...» (*Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. М., 1996. С. 43).

⁵³ Современная исследовательница А. А. Иванова по экспедиционным материалам Московского государственного университета существенно дополняет фактические сведения о скоморохах на Пинеге. Следы их пребывания сказываются в местной топонимике: «Пожни Гусли у д. Чакола и Лохново, Скомороховская новина у д. Чешегора, д. Шутовская близ Матверы, упоминаемая в писцовых книгах по Кеврольскому уезду за 1623, 1678 годы <...>; д. Дудинская, приписанная к Суре (фигурирует в писцовых книгах за 1623, 1678, 1744, 1859, 1905, 1918, 1922 годы)» (*Иванова А. А.* Скоморошья традиция в современном фольклорном репертуаре (по полевым материалам 1970—1996 годов) // *Русский фольклор : Материалы и исследования.* СПб., 1999. Т. 30. С. 468). Равным образом писцовые книги Пинежья регистрируют «скоморошья» имена: «Тренька Иванов (д. Юркино Печище), Тренька Григорьев (д. Михайловская), Гуляйко Исаков (д. Раменская), Ивашко Гуляев (д. Якушевская), Жданко Гуляев (починок Глядень)» (Там же. С. 468). Исследовательница приводит также предание об озере Скоморошье, расположенном в районе д. Малое Кротово на реке Покшеньга (приток Пинеги). Текст свидетельствует, что и в конце XX в. у местного населения сохранилась какая-то память о скоморохах: «Раньше говорили — скоморохи ходили. Шли они, скоморохи, куды, не знаю, куды переходили. Вот и это озеро разошлось. Обходить туда далеко — оно на пять километров — а посередине два мостка не так далеко. Ну, в общем метров пятьдесят будет. Раньше говорили — скоморохи скакали. Про скоморохов много есть, былины всякие. Скоморохи, старики говорили, шли с востока на запад. И эти мостки, где они перепрыгивали у Скоморошьего озера, так и называются „скоморохи“. Скажут — „скоморошин мост“... Они вот занимались рыбной ловлей, промыслом... Бродяги

чительной роли в формировании эпоса, которую приписывал в свое время Вс. Миллер, и я такой роли им и не приписываю.⁵⁴

П<стр> Г<ригорьевич> укоряет меня, что я будто бы все комическое и сатирическое в былинах отношу на долю скоморохов и так<им> обр<азом> как бы ограничиваю крестьянское творчество и отказываю ему в создании сатирич<еских> и юморист<ических> вещей. Это не совсем так. Сатиру и юмор в героическом эпосе я рассматриваю. Все местные шутовые старины, небылицы и пр<очее> — все это я рассматриваю тоже, как крестьянское творчество в специальном разделе главы об образовании новых былин. Но я, действительно, вижу в этом следы скоморошьей традиции, — традиции, конечно, не в возникновении издевки над местными жителями и событиями, а в использовании серьезной формы в комических целях, в комическом плане. Нельзя не поставить в связь также [такой] факт, как обилие того материала именно там, где наиболее очевидны следы пребывания скоморохов. Но я готова признать следующее: 1) необходимо осторожнее и менее категорически решать вопрос в каждом конкретном случае; 2) пришло время поставить вопрос о степени и характере воздействия скоморохов на крестьянское творчество.

В отношении центральной части работы возражения сводятся главным образом к следующему: 1) **я слишком категорически отношу к северу многие мотивы, изменения и перестройки**, которые, возможно, уже были в предшествующем периоде; 2) отдельные из затронутых мною вопросов, в связи с широким захватом явлений, **не доработаны, взяты недостаточно глубоко**.

Первое возражение, особенно выделенное В<арварой> П<авловной>, я, между прочим, ожидала. Ведь особая трудность предпринятых мною изучений и заключалась в том, что мне приходилось выделять поздние явления в материале, известном только в поздних записях, что ранний вид былин не установлен. Как я и говорила во вступительном слове, только путем самого тщательного и кропотливого анализа вариантов, сопоставления всех записей, и ранних и поздних, можно как-то разобраться в движении материала. И нужно быть исключительно при этом осторожным. Может быть, ввиду всех трудностей и опасности ошибок следовало совершенно отказаться от подобных изучений?

какие-то... Как артисты, как шарманщики... На дудках играли, только на самодельных дудках, из бересты. Летом из пучек делали свистки» (Там же. С. 468). Второе устное сообщение о Скоморошьем озере запечатлело тему гонений на скоморохов: «Скоморошье озеро. А там были Скомороховы. Они политически были высланы. Давно было» (Там же. С. 468).

⁵⁴ Далее красным карандашом вписана фраза: «Богатырев о скоморохах», отсылающая к фрагменту текста на л. 13: «П<стр> Г<ригорьевич> укоряет меня <...> за крестьянское творчество».

Думаю, не следовало. Пусть в некоторых случаях я и ошибусь, ошибки эти будут исправлены дальнейшими изысканиями, но такие попытки предпринять нужно было. В своих выводах я старалась быть очень осторожной. В частности, такую осторожность я как раз проявила в отношении **крестьянской природы образа Ильи Муромца**. Я нигде не стремилась доказать, что И<лья> М<уромец> стал крестьянином только в северных пересказах. Но мотив крестьянского происхождения я считаю действительно не исконным, а более поздним и связываю его возникновение с сюжетом об исцелении, поздним, по происхождению. На это у меня, думаю, есть основания. Вот точно, что я говорю о мотиве крестьянства И<льи> М<уромца> (стр. 109—110).⁵⁵

Также и в отношении ряда положительных черт И<льи> М<уромца>. Как раз в отношении облика И<льи> М<уромца> я все время подчеркиваю, что развитие образа идет по пути **уже** намеченному. Происходит лишь углубление образа, его завершение, чеканка. Вот, например, что я говорю о **разработке морального облика И<льи> М<уромца>** (стр. 119).⁵⁶ Думаю, что в такой постановке вопроса я права.

---

⁵⁵ «В разработке образа Ильи Муромца прежде всего обращает внимание особое культивирование северными сказителями крестьянских черт богатыря.

Стремление любимого народного богатыря, носителя глубоко демократических черт, в образе которого отложились заветные народные идеалы, сделать и по происхождению представителем широких народных масс, — крестьянином, — явилось совершенно естественным моментом в развитии образа Ильи Муромца. Когда именно и где это произошло, мы определенно сказать не можем. Мотив крестьянского происхождения Ильи Муромца впервые находим в записи сюжета об Илье Муромце и Соловье-разбойнике в двух прозаических пересказах второй половины XVIII в. и затем в нескольких записях таких же прозаических „гисторий“ об Илье Муромце начала XIX в. Но мотив в ранних записях еще не устойчив. Большинство их этого мотива не знают. В них Илья Муромец чаще всего именуется „уроженцем“ города Морова или Муромы. Нет этого мотива и в тексте былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике сборника Кириши Данилова. О крестьянском происхождении богатыря в ранних записях иногда не говорится даже при наличии рассказа о его детстве и исцелении, тогда как в былинах и сказках об исцелении Ильи Муромца, записанных в XIX в., этот мотив становится уже традиционным. Это и дает нам право мотив крестьянского происхождения Ильи считать не исконным, а внесенным впоследствии» (РО ИРЛИ, ф. 724, оп. 1, ед. хр. 51, л. 109—110).

⁵⁶ «Илья Муромец является носителем человеколюбия, великодушия, бескорыстия. В какой мере эти черты были уже намечены в первоначальный период формирования эпоса, мы не знаем. В записях XVIII в. они присутствуют. На Севере они не только бережно сохраняются, но особенно выделяются, подчеркиваются, дополняются новыми характерными штрихами, находят выражение и воплощение в новых поступках героя» (РО ИРЛИ, ф. 724, оп. 1, ед. хр. 51, л. 119).

То же **относительно социальных тенденций**. Сильную социальную окраску былины, несомненно, приобретают с конца XVI в. в связи с растущим народным движением. Тогда, очевидно, и создаются такие социально острые сюжеты, как «И<лья> М<уромец> и голи», как сюжет ссоры и некоторые др<угие>. Север усваивает все эти сюжеты из средней России. Но на Севере они не только особо культивируются, но и усиливаются новыми деталями. Это происходит потому, что настоящая творческая жизнь эпоса в позднейший период именно на Севере. Творческую работу северных сказителей над этими мотивами я и стараюсь показать. *В частности, мне представляются вполне убедительными приводимые мною данные о сатирической раскраске на Севере образа князя Владимира. И опять-таки я говорю (стр. 150—151).*⁵⁷ Что касается **до мотива бояр-изменников**, то тут, В<арвара> П<авловна>, возможно, вы правы: этот мотив мог быть уже привнесенным, и факт исключительного культивирования его на Печоре еще недостаточен, чтобы относить его к данному району. Здесь, конечно, необходима оговорка, которой у меня нет.

Но **в отношении Василия Буслаева** ваш укор неправилен. Прежде всего я вовсе и не стремилась истолковать образ В<асилия> Б<услаева>, как и другие былинные образы. Не это моя задача. Но я показываю, как менялась трактовка этого сложного образа у самих носителей эпоса. Конечно, «мужики новгородские» как историческая категория — не демократическая масса. И столкновение с ними В<асилия> Б<услаева> имело в свое время определенный социальный смысл. Но время стерло в сознании сказителей историческое содержание былины. За мужиками новгородскими уже не виделась их историческая категория, она была забыта. Поздними носителями эпоса «мужики новгородские» воспринимались иначе. Это и дает мне, кажется, право на то объяснение нот осуждения В<асилия> Б<услаева> в былине, которое я даю в работе (стр. 158).⁵⁸ Я не раскрываю здесь исторический смысл термина «мужики новгородские»,

---

⁵⁷ О своднической роли князя Владимира в былине «Илья Муромец и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича» А. М. Астахова замечает: «Роль эта не обязательна для построения сюжета; в целом ряде вариантов она отсутствует, поэтому возможно, что она не изначальна былинной обработке данного сюжета и включена позднее, в связи с общим развитием образа князя Владимира в плане сатирическом. Произошло ли это уже после того, как былина проникла на Север или ранее — неизвестно. Во всяком случае, определенное усиление данный мотив несомненно получил среди северного крестьянства» (РО ИРЛИ, ф. 724, оп. 1, ед. хр. 51, л. 150).

⁵⁸ «В процессе восприятия и осмысления образа Василия Буслаева северным крестьянством стирались некоторые исторические черты былины. Образ Василия Буслаева, избивающего „мужиков“ новгородских, воспри-

думая, что это общеизвестно, и лишь поставила слово мужики в кавычки. Так<им> обр<азом>, упрек Ваш здесь простое недо-
разумение, а справка о соц<иальном> содержании термина лишь
поддерживает мое положение.

Вы говорите еще, В<арвара> П<авловна>, что я неправильно
квалифицирую **процесс вариирования образов, и простое сло-
весное распространение трактую, как «углубление и расши-
рение»**, а также Вы отмечаете, что **от внесения даже новой дета-
ли образ не меняется**. Пример, который Вы приводите, ссылаясь
на указанные мною варианты былины об И<лье> М<уромце>
и разбойниках, совершенно правилен. Здесь, действительно, не
вносится нового мотива, а лишь в различных словесных форму-
лировках вскрывается его смысл. В обилии и своеобразии этих
формулировок я вижу выражение творчески активного отноше-
ния северных крестьян к образу. Это-то я и хотела показать дан-
ными примерами. Вы правы, указывая, что здесь нет никакого
расширения образа. Редакцию этого места надо исправить. Но
я не могу согласиться с тем, что **внесение новой детали не углуб-
ляет образа**. В существе своем образ оттого часто не меняется,
не переосмысливается, но черты, данные скупо или только наме-
ченные, развиваются внесением новых деталей, включением но-
вых эпизодов. Такова как раз история образа И<льи> М<уромца>.

Что касается образа И<льи> М<уромца> у Крюковой,⁵⁹ то я
не потому отмечаю **высшее завершение** его у Крюковой, что
она словесно распространяет и истолковывает то, что и без того
ясно, а потому, что она не только собирает все черты, разъеди-
нено встречающиеся у разных сказителей, но и дополняет их ря-
дом новых деталей, напр<имер>, мотивом «управушки», «хозя-
ина земли», создает новые эпизоды, обрисовывающие в И<лье>
М<уромце> особо обостренное сознание своего значения и долга
(раньше этого мы не видели), создает новые эпизоды, в которых
он проявляет себя как защитник родины и т. д. Все это я показы-
ваю. И я думаю, что я права, когда не называю это **новым, пово-
ротным** этапом в развитии образа И<льи> М<уромца>, а **этапом
завершения** всей предыдущей коллективной работы, так как все,
что она вносит, находится в русле традиции. Другое дело, что все
же перестраивает былинку, что былины М<арфы> С<еменовны
Крюковой> по своим художественным методам сильно отлича-
ются, напр<имер>, от ранних заонежских — все это верно, но
я ведь нигде и не утверждаю их тождественность.

нимался преимущественно как отрицательный» (РО ИРЛИ, ф. 724, оп. 1,
ед. хр. 51, л. 158).

⁵⁹ Имеется в виду беломорская сказительница Марфа Семеновна
Крюкова (1876—1954), чье былинное творчество отличалось огромным
импровизационным началом.

Не могу согласиться и с тем, что приведенный мною **пример из былины М. Крюковой о Святогоре — не пример психологизации**. Ведь в приведенных стихах мы находим стремление сказителя выявить известные внутренние движения. Это не простая длиннота. Другое дело, что [это] немислимо было в старой былине. Но я как раз и говорю, что психологизация принадлежит уже к позднему времени (стр. 164).⁶⁰ *Ну а целый ряд других примеров, которые я привожу, тоже лишь словесное распространение? Я считаю, что процесс психологизации образа как позднейший творческий процесс не подлежит никаким сомнениям, и я его показала на убедительных примерах. Против других примеров Вы не возражаете.*

В отношении главы об образовании новых былин В<арвара> П<авловна> замечает, что следовало поставить **вопрос, сохраняется ли в новых былинах та органическая связь былинной формы с содержанием**, которая характеризует былину классического периода, и что **всякое ли содержание могло быть безболезненно оформляемо в былину** без того, чтобы не образовался разрыв между формой и содержанием. Вопросы эти, конечно, поднять было вполне целесообразно, в связи с изучаемым мной материалом. Между прочим, я как раз все время, где только позволяет материал, ставлю вопросы, какие именно сказочные, песенные и литературные сюжеты втягиваются в эпос, чем это обусловлено (каков характер этих сюжетов), что именно происходит с переоформляемыми произведениями (воздействие эпического жанра на втягиваемые сюжеты). Я говорю также и о том, какие жанровые разновидности в результате получаются. Возможно, что все эти вопросы следовало бы провести более углубленно, детальнее, *но ведь мне здесь в этой области приходилось буквально взрывать целину, и я оказалась лицом к лицу с огромным и совершенно нетронутым материалом. Это как раз было отмечено в рецензии В<ладимира> Я<ковлевича>*. Вот почему ряд моментов и мог ускользнуть. Что же до той постановки вопроса о нарушении или ненарушении связи между формой и содержанием, которое Вы желали бы, В<арвара> П<авловна>, то **в таком направлении я бы и не поставила вопроса, так как несколько по-иному осознаю наблюдаемый процесс**. При втягивании нового содержания в эпос видоизменяется и сама эпическая форма и образуются иные связи между формой и содержанием. И здесь

---

⁶⁰ «Процесс этот (психологизации. — Т. И.) — один из самых характерных для позднейшей стадии развития эпоса и, главным образом, характерен для самых последних десятилетий. Обо всем этом говорит обилие проявлений данного процесса преимущественно в записях XX в. при сравнительно меньшем выражении его в вариантах XIX в. и совсем слабых следах в записях XVIII в.» (РО ИРЛИ, ф. 724, оп. 1, ед. хр. 51, л. 164—165).

должен стоять вопрос не о деградации жанра, а об его изменениях, о новых его разновидностях. *В этом направлении мы уже не раз с Вами спорили, В<арвара> П<авловна>, и я буду продолжать спорить.* Былины Марфы Крюковой с ее, как Вы говорите, нагромождениями, — не факт деградации жанра, а новая разновидность этого жанра на новом этапе. Они могут не нравиться тем, кто форму былины XVIII в. считает идеальной, что другое дело, но в этом случае мы должны исходить не из нашей эстетики, а из эстетики той среды, которая создает и воспринимает. Вы скажете, что все эти вопросы я и должна была поставить в работе, но я в ней все же не занимаюсь историей жанра как такового. В последнем случае я обязана была бы, конечно, прежде всего постараться определить особенности ранней былины, установить все разновидности по старым записям, а потом уже шаг за шагом следить за изменениями жанра. Но передо мной стояла в данной работе другая группа вопросов: 1) я должна была установить, случайное ли явление образование новых былин или процесс; 2) по каким линиям этот процесс развивается; 3) вскрыть по возможности все конкретные факты, относящиеся к процессу, и изучить их; 4) уяснить, по мере возможности, известные закономерности в данном процессе. Эти вопросы я и старалась разрешить. Материал, который мне удалось поднять, неудержимо вызывает еще целый ряд новых и новых вопросов. Я радуюсь этому. Я очень благодарна В<арваре> П<авловне>, которая забросала меня рядом таких вопросов, но не все из них должны были обязательно быть в поле моего зрения.

Другое основное замечание по центральной части, сделанное и В<арварой> П<авловной>, и В<ладимиром> Я<ковлевичем>, — о том, что при широте охвата явлений **страдает порой глубина проработки**, — я принимаю. В<арвара> П<авловна> совершенно права, указывая, что глубже следовало остановиться на роли «местных элементов» и что **перестройка былины под влиянием и местных, и реально бытовых элементов должна была быть мною дана и более решительно, и более отчетливо, и что в некоторых случаях дело идет не о колорите, а о перемещении в иной художественный план.** Правда, как раз тот пример, на который Вы, В<арвара> П<авловна>, ссылаетесь — на былинку Журавлева «Добрыня и Алеша», — еще не знаменует такой полной перестройки. Былина не перестраивается в балладу, остается в пределах новеллистического жанра, но свой канонический характер она потеряла. Но вообще на процессе такой перестройки мне следовало бы больше остановиться — в этом Вы правы.

В<ладимир> Я<ковлевич>, я принимаю Ваш общий упрек [одно слово срезано], что иногда (Вы говорите даже, что часто) страдает глубина проработки, но не все Ваши конкретные пре-

тензии могу принять. Ведь Вы сами указываете, что каждый вопрос, затронутый в моей работе, мог бы составить самостоятельную диссертацию. Совершенно ясно, что я должна была поставить себе какие-то рамки. Рамки эти были определены самой целеустремленностью работы. Так, в мою задачу вовсе не входило полное и глубокое раскрытие былинных образов. Изучая и показывая работу северных сказителей над образом И<льи> М<уромца>, я брала не все, а лишь те стороны, в которых и проявилась эта работа. **Казацкую природу И<льи> М<уромца> я отбросила**, поскольку этот момент относится к более раннему периоду. То же и в отношении образа Василия Буслаева, то же и в отношении главы о композиции. Передо мной совершенно не стояла проблема композиции в целом, вот поэтому и не освещаю те явления в композиции, которые связаны с внутренними закономерностями самого былинного жанра. Изучая былинное творчество крестьян, я стремилась выяснить проявления его в области композиции, уяснить внутренние, психологические мотивировки изменений. Вы правы, что в иных случаях следовало бы учитывать и общие закономерности, связанные с природой жанра (в частности закон хронологической несовместимости), и я кое-что, б<ыть> м<ожет>, и проглядела в этом направлении, но все же эти общие закономерности я не должна была ставить в край угла.

Вообще, В<ладимир> Я<ковлевич>, я очень хорошо понимаю Ваши нападки на меня. Вас привлекает прежде всего проблема внутренних законов жанра. Тот же материал, кот<орый> я показала, оказался очень интересным для постановки вопросов в этом плане. Поэтому-то, очевидно, Вы и сожалеете о том, что разбираемые явления **не рассматриваются мною в рамках, как Вы говорите, собственно фольклористических явлений и проблем**. Не знаю, правильно ли я поняла скрытый смысл этой неясной формулировки, неясной потому, что и те явления и проблемы, которые я рассматриваю, тоже фольклористические, но лишь другого порядка. Но ведь автора судят с точки зрения его замысла, если, конечно, этот замысел заслуживает внимания. С точки же зрения моего замысла, мне надо было выделить **самые** основные творческие процессы. Я думаю, что те, кот<орые> я выделила, принадлежит к основным. Работа сказителей в области приемов изобразительности, в области художественной речи, действительно оставлена мною пока без внимания. Это, конечно, жалко. Но всех процессов я охватить не могла. Задача решалась на другом материале. Если бы задачей было исследовать эволюцию самого жанра, вопросы поэтики были бы выдвинуты на первое место. В пределах тех же рамок и тех задач, которые я себе поставила, Вы сами признали, что и материал, и возможные выводы исчерпаны полностью.

Еще одно замечание В<арвары> П<авловны>, связанное уже с вопросами развития нового эпоса. **Ограничение северным материалом** не отражается на наблюдениях и выводах, потому что именно Север — и колыбель нового эпоса и место, где протекает его дальнейшее формирование. Материал из других мест мне известен, он крайне невелик и не вносит пока ничего нового. Что же касается северного материала, то в нем мы не видим, и я и не показывала, лишь процесс формирования нового эпоса на основе феодального эпоса, старой былины. Я указывала и другие разновидности нового эпоса, и другие пути его развития, и как раз указывала, что мы имеем среди создателей нового эпоса сказителей, не связанных с былиной и использующих другие фольклорные традиции. Я отмечаю также, что в дальнейшем мы вправе ожидать новых исканий и что указанными мною разновидностями не исчерпываются, конечно, все возможности в развитии нового эпоса (стр. 798).⁶¹ Почему же я несколько больше задерживаюсь на рассмотрении той разновидности, кот<орую> я называю «советской былиной», объясняется, во-первых, тем, что я в работе прослеживаю судьбы феодального эпоса, а одним, и важнейшим, моментом его творческой жизни в современности и явилось то, что он становится поэтической опорой для эпоса советского. Этого бы не произошло, если бы сам феодальный эпос был мертвым. Кроме того, мне пришлось заострить последнюю главу своей работы против тех, которые, основываясь на произведениях неудачных, обобщают свои оценки и видят в советских былинах лишь искусственное приспособление старой формы к новому содержанию. Я стремилась показать и всю глубокую обоснованность процесса, и новое качество в создаваемых произведениях.⁶²

Укор П. Г. Богатырева в отношении того, что я рядом с подлинно фольклорными произведениями в области нового эпоса привлекаю к рассмотрению и явления, относящиеся к литературе, связан с общим принципиальным вопросом о том, куда относить произведения, созданные нашими народными сказителями — М. Крюковой, П. И. Рябининым и др<угими>, — к ф<олькло>ру или к литературе, поскольку процесс их сложения сближается

---

⁶¹ «Однако опыты создания поэм мы находим и у других сказителей, особенно у тех, которые не столь крепко, как группа сказителей Прионежья, связаны именно с традицией богатырского эпоса, и которые вместе с тем в совершенстве владеют всем богатством общефольклорных поэтических средств, как это мы видим на примере печорской сказительницы М. Р. Голубковой» (РО ИРЛИ, ф. 724, оп. 1, ед. хр. 54, л. 798).

⁶² Здесь красным карандашом дан знак √, отсылающий к фрагменту на стр. 26 (по авторской нумерации) или к л. 28 (по архивной нумерации): «Укор П. Г. Богатырева <...> от традиционного фольклора».

в целом ряде моментов с литерат<урным> процессом. *Нужно сказать, что современное творчество наших нар<одных> сказителей, конечно, имеет особые специфич<еские> черты, сильно отличающие...*⁶³

Большинство фольклористов — и совершенно правильно — считают, что выводить их из поля зрения фоль<клористи>ки и всецело причислять их к литерат<уре> было бы ошибкой. Здесь создание нового творч<ества> силами тех, для которых ф<олькло>р — родная стихия; слагатели их — не профессон<альные> поэты; художественные средства, которыми владеют сказители и которые они применяют в своем творчестве, — средства фольклора. В характере их бытования многое от характера бытования фольклорных произведений. Как раз ф<ольклори>ст может скорее всего и должен разобраться во всем своеобразии творимого на наших глазах нового народного поэтического искусства, но он должен уметь вскрыть это своеобразие, отличающее это искусство от традиционного фольклора.

Я ответила, кажется, на большинство сделанных мне возражений. Но и не соглашаясь с многими из них, я еще раз выражаю глубокую признательность за то, что они были высказаны. В свете этих возражений я еще раз продумаю целый ряд вопросов.

Теперь, когда завершился какой-то этап в моей работе над эпосом, я вспоминаю ряд людей, в общении с которыми вынашивалось и выковывалось мое научное мировоззрение. И я чувствую потребность принести им мою большую признательность. Это прежде всего мои дорогие спутники и товарищи по северным экспедициям, по началу моей фольклорной работы;⁶⁴ во-вторых, это группа участников наших первых научных фольклорных совещаний, на которых мы делились нашими первыми наблюдениями, и где под руководством В. П. Адриановой-Перетц и при неизменном участии Вл. Ник. Перетца намечались вопросы и пути нашей исследовательской работы.⁶⁵ К этим собраниям и научному общению на ул. Маяковского, 27 восходит не одна фольклористическая работа. В<арваре> П<авловне> я обязана и в дальнейшем многими советами и указаниями; в-третьих, — это мои товарищи по Отделу фольклора и, главным образом, его руководитель Марк Конст<антинович> Азадовский, мой постоян-

---

⁶³ Предложение не закончено.

⁶⁴ Имеются в виду экспедиции РИИИ в 1926 (Заонежье), 1927 (Пинега), 1928 (Мезень) и 1929 (Печора) гг.

⁶⁵ См. подробнее о заседаниях в ГИИИ (РИИИ) в 1920-е гг.: *Иванова Т. Г.* Фольклористика в Государственном институте истории искусств в 1920-е гг. // Русский фольклор : Материалы и исследования. СПб., 2004. Т. 32. С. 48—66.

ный советник, которому я многим обязана и отсутствие которого я особенно ощущаю.⁶⁶ **Всем приношу мою благодарность.**

И, наконец, я очень благодарю К<арело>-Ф<инский> научно-исследовательский ин<ститут> культуры⁶⁷ в лице его б<ывшего> директора В. И. Машезерского⁶⁸ и заведующего Фольклорной секцией А. Д. Соймонова⁶⁹ за неоценимую помощь, которую Ин<ститу>т оказал, предоставляя постоянно и широко пользоваться всеми ф<ольклор>ными материалами Ин<ститу>та.

---

⁶⁶ М. К. Азадовский в это время находился в эвакуации в Иркутске. См. подробнее: *Иванова Т. Г.* Фольклористы Пушкинского Дома в годы Великой Отечественной войны. С. 15—24; Письмо военного времени М. К. Азадовского / Публ. и коммент. Т. Г. Ивановой // *Живая старина*. 2005. № 2. С. 45—47.

⁶⁷ См. о связях ленинградских фольклористов с Карело-Финским научно-исследовательским институтом культуры (КНИИК; бывший Карельский научно-исследовательский институт — КНИИ) подробнее: *Иванова Т. Г.* Роль ленинградских ученых в становлении фольклористики в Карельском научно-исследовательском институте // *Труды Карельского научного центра Российской академии наук*. 2010. № 4. С. 115—122. В настоящее время это Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

⁶⁸ Виктор Иванович Машезерский (1902—1977) в 1936 г. занимал должность ученого секретаря. В декабре 1938 г., после того как руководство КНИИК было репрессировано, он стал исполняющим обязанности директора. См.: *Филимончик С. Н.* Роль научно-исследовательских институтов Карелии в развитии гуманитарных наук в 1930-е годы // Там же. С. 104, 106, 110. Впоследствии В. И. Машезерский являлся директором Института с 1950 по 1965 г.

⁶⁹ Алексей Дмитриевич Соймонов (1912—1995) был заведующим фольклорной секции Карельского научно-исследовательского института культуры (бывший КНИИ) с ноября 1938 г. до начала Великой Отечественной войны. См.: *Иванова Т. Г.* Роль ленинградских ученых в становлении фольклористики... С. 118.